Чудовища из Норвуда

Автор:
Кира Измайлова

Чудовища из Норвуда

Кира Алиевна Измайлова

Феи #2

Холодной зимней ночью путник сбился с дороги. На его счастье, он наткнулся на заброшенное поместье, где – о чудо! – нашел кров и стол. Но, конечно же, уезжая, сорвал заветный цветок… Кто же приедет в это страшное место вместо незадачливого торговца? Которая из трех дочерей? Или вовсе не дочь?.. И что ждет ту, кто решит занять место провинившегося?

Кира Измайлова

Чудовища из Норвуда

Глава 1

Тем холодным зимним вечером мы с девочками вышивали при свечах, прислушиваясь, как воет вьюга снаружи. Анна – была ее очередь читать вслух – то и дело отвлекалась от рассказа и умолкала.

– Какая ужасная непогода, – в который раз сказала Диана и отобрала у сестры книгу, взамен всучив ей свое рукоделие. Испортить его еще сильнее было уже невозможно, так что я сделала вид, будто ничего не заметила. – Как-то там папа в дороге?

– Думаю, у вашего отца хватило благоразумия на то, чтобы переждать метель на постоялом дворе, – ответила я, хотя сильно в этом сомневалась.

Буря поднялась после полудня, а в это время Манфред должен был быть на полпути к дому. И если он не повернул назад (а это навряд ли!), то пурга застала его в лесу… Хорошо, если найдется какое-нибудь укрытие, а если нет? Кони у него, конечно, хорошие, возница умелый, повозка новая, но, бывало, путники замерзали в часе езды от родного дома!

– Идемте-ка спать, – сказала я, отогнав эти мысли, – и не нужно думать о дурном. Помолитесь-ка лучше, чтобы отец вернулся домой живым и невредимым! И вот увидите, он приедет поутру и посмеется над вашими страхами…

Не знаю, быть может, девочки молились с недостаточным усердием, а может, это я сглазила, да только Манфред не приехал поутру. Не объявился он и на другой день, и на третий, а потом в наши ворота постучался лесник и, комкая в руках шапку, сказал, что нашел в лесу загрызенного волками коня, похоже, нашего – у Манфреда была приметная пара, он любил пегих лошадей (и то, таких красть не станут, поди сбудь с рук!). Постромки были оборваны, видно, конь ухитрился удрать, да спастись не сумел: завяз в сугробе, запутался поводом в кустарнике, а тут и волки подоспели… Куда подевался второй упряжной конь, возница с повозкой и сам Манфред, лесник не знал: снег замел все следы. Теперь хорошо, если по весне удастся сыскать их кости, добавил он.

Лесник ушел, а я постояла молча на пороге и вернулась в дом. Если Манфред погиб, нам с девочками придется туго… Я кое-что смыслила в его делах, но одно дело торговец-мужчина с хорошей репутацией, и совсем другое – молодая женщина! Я знала нескольких купчих, но все они зарабатывали себе имя долго и тяжело, потому как, даже если покойный муж был удачливым и умелым торговцем, никто не верил, что вдова сумеет удержать дело на плаву и даже преуспеть!

Наши дела обстояли не так уж плохо: у всех девочек имелось приданое, больших долгов за Манфредом не числилось (если, конечно, он ничего от меня не утаил), а известные не так сложно было покрыть, и еще осталось бы на жизнь. Правда, пришлось бы умерить траты, и очень серьезно, распродать лошадей, корабли и товар со складов, но об этом пока думать было рано. Сперва неплохо было бы

обезопаситься от партнеров Манфреда и его ушлых управляющих, выполнить набранные им заказы и отказаться от тех, за которые деньги не взяты вперед, либо же вернуть задаток.

Вот так дела… Никогда я еще так не радовалась тому, что Манфред с полгода назад свалил на меня ведение приходно-расходных книг, оплату счетов и прочее… Дело скучное, трудоемкое, но необходимое, и я живо научилась подводить баланс и ругаться с поставщиками! Думаю, они и не знали, что пишу им я, а не Манфред! Мне же он доверял куда больше, чем нанятому счетоводу, отчетов никогда не спрашивал, разве что спервоначалу, дом позволял вести так, как мне было угодно, лишь бы девочки ни в чем не знали отказа…

Словом, имелась у меня кубышка на черный день: сберечь кое-что не так уж сложно, если не разбрасываться деньгами попусту да как следует следить за слугами, которые так и норовят обсчитать! Будто я не знаю, сколько стоит мясо на базаре, и не отличу пашину от лопаточной части, а свежую рыбу от лежалой! Служанки, знаю, за глаза честили меня по-всякому, но признавали, что жалованье я им выдаю вовремя, кормятся они с господского стола, а наказаний особых не знают. Ну разве что за воровство сразу отправляются за ворота, но тут уж… если сама себе не враг, красть хозяйское не станешь.

А я… Что – я? Когда в доме три дочери на выданье и за каждой нужно дать достойное приданое, поневоле приучишься беречь деньги. И то – девочки слыли завидными невестами, перебирали женихов. А для двух старших Манфред уже присмотрел достойных людей. Младшей, он считал, можно еще посидеть в девицах да подрасти, а то у нее одни сказки в голове. Хорошая жена, говорил он, должна быть вроде меня: чтобы и хозяйство на нее можно было оставить, когда сам в отъезде, и воспитание детей доверить, и знать, что за спиной у тебя надежная стена. А что до наружности, так с лица воду не пить: посмотреть хоть на жен его подельников – одна косая, другая рябая, третья поперек себя шире, однако ж мужья на них не нарадуются. Если же девица мало того что в хозяйственных и денежных делах смыслит, да еще и с приданым, да собой хороша, так это и вовсе лакомый кусок, любой с руками оторвет и в ножки поклонится!

Ну, что и говорить: Анна с Дианой, хоть и не любили цифирь, но разбираться в ней научились, помогая мне со счетами. И письма деловые я их заставляла переписывать, так что они живо запомнили, к кому как обращаться да как сообщать о своей надобности. Только с Летти не было никакого сладу: то

изрисует черновик бабочками-цветочками или женскими головками с замысловатыми прическами, то разольет чернила, то заявит, что это все скучно и лучше она почитает нам вслух… Я только на то и уповала, что с возрастом эта блажь у нее пройдет! А нет, так и ладно: с ее приданым будущий муж на руках ее носить станет, а для скучных дел управляющие имеются. Выдать бы ее замуж, а дальше – не моя забота!

Так я думала, пока распоряжалась насчет завтрака и будила девочек. Им я сказала, что Манфред, должно быть, решил переждать метель – она все не прекращалась, – и объявится, как только она закончится и можно будет пробраться сквозь снежные заносы. Я полагала, что других вестей можно не ждать еще несколько дней, а потом… потом придется сообщить девочкам печальную новость.

А ночью в дверь постучали… Я не спала – меня донимала бессонница, я все думала, как жить дальше, да подсчитывала расходы, – поэтому накинула шаль и спустилась вниз. Пока еще проснутся слуги, гость может замерзнуть у наших дверей!

Манфред не переступил порог, он просто упал через него, и я едва сумела удержать его и усадить на скамью. Что и говорить, есть он мог бы и поменьше…

На нем лица не было, он все пытался что-то сказать, хватаясь за мои руки ледяными пальцами, но я, убедившись, что Манфред не ранен, кровью не истекает и умирать сию секунду не собирается, велела ему умолкнуть и снять промерзшую одежду, а сама вышла на двор и разбудила конюха. Манфред вернулся на втором пегом, без седла, подложив только какую-то тряпку, и у бедного жеребца наверняка была сбита спина! И то, это же не верховой конь, а упряжной, он не привык к всаднику, да еще такому упитанному…

Правда, конюх после беглого осмотра (да что там можно было разглядеть, снег шел сплошной стеной!) сказал, что ничего коню не сделалось, пару дней отдохнет, подкормится и будет лучше прежнего, да и увел его в конюшню обихаживать, ну и кормить-поить, ясное дело, как остынет.

У Манфреда дело застопорилось на втором сапоге. Кажется, он окоченел настолько, что у него не гнулись пальцы, и мне пришлось ему помогать. Кое-как дотащив его до спальни, я стащила с него одежду, крепко растерла шерстяной

тканью, – вроде бы он не обморозился, и на том спасибо! – налила ему вина и спустилась на кухню. Огонь в печи еще не погас, и я, растолкав двух служанок, велела им нагреть воды и натаскать наверх несколько ведер – Манфреда нужно было как следует согреть, чтобы не заболел. Да не шуметь при этом, чтобы девочки не проснулись!

Говорить он пока не мог, у него зуб на зуб не попадал от холода. Правда, после вина и закуски Манфреду стало легче, а когда он окунулся в теплую воду, то и вовсе разомлел.

– Ну и где же тебя носило? – поинтересовалась я, присев рядом на скамейку. Прикрыться он даже не подумал, ну да чего я там не видела?

– Лучше не спрашивай, – пробормотал Манфред, стуча зубами. Я подлила ему кипятку. – Я угодил в такой кошмар, какой и во сне не приснится! Знаешь, вроде тех сказок, до которых Летти охоча…

– Ты головой не ударялся? – спросила я и пощупала его лоб. – Жара тоже вроде бы нет. Говори толком!

– Толком… – Он протянул руку, и я подала ему стакан. Служанка успела подогреть вино со специями, и Манфреду становилось лучше буквально на глазах. Я тоже вознаградила себя парой глотков – нервы у меня все-таки не железные. – Ну, слушай…

Как я и предполагала, Манфреду хватило ума не пережидать начинающуюся метель в тепле и безопасности, а поехать дальше – авось пронесет, в лесу не так страшно… Как же! Не пронесло, а занесло, кони встали, возница пошел разведывать дорогу да не вернулся… А тут еще поблизости завыли волки!

Ну тут уж Манфред схватил самое ценное – мешочек с деньгами, теплую меховую полость и шубу, кое-как обрезал постромки и взгромоздился на одного из упряжных коней. Второго он думал вести в поводу, да только тот вырвался и убежал, на свою беду, испугавшись волков. Тот, которого оседлал Манфред, тоже понес с перепугу, и всадник не свалился только чудом!

Должно быть, пегого вело звериное чутье: не видя ничего вокруг от ужаса, он несся сквозь зимний лес не разбирая дороги, но ухитрился не переломать ноги и

выбраться на дорогу прямо у незнакомого поместья. Ворота были закрыты, но не заперты, и Манфред вломился туда, не думая даже, что может сделать с ним владелец за такое вторжение. Ворота завязал куском повода, а сам пошел к дому, надеясь, что ему позволят хотя бы дождаться утра, а не выгонят в ночную стужу…

Поместье оказалось пустым, неухоженным, но явно не заброшенным. Манфред оставил коня в сарае, лишь бы укрыть бедное животное от ветра и снега, а сам пошел в дом – искать хозяев и слуг.

Удивительно: внутри никого не оказалось, однако в гостиной пылал камин, горели свечи, а на столе сами собой появились яства… Разумеется, Манфред не удержался! Он всегда был любителем поесть, вот и заморил червячка. Правда, сказал он, стол был накрыт на одного, но хозяин все не шел, слуги тоже не показывались, а есть хотелось так сильно!

Поужинав, Манфред побродил по дому, никого не нашел, сходил проведать коня – тот уже был вычищен и доедал отборный овес из кормушки! – да и прилег в первой попавшейся комнате. И заснул, понятное дело, и спал сном младенца…

Наутро же он обнаружил подле кровати новую одежду, на столе же его ждал завтрак. Манфред подивился такому гостеприимству, поблагодарил хозяина вслух, поел от души да решил отправляться в путь. И вот, проезжая парковой аллеей (он еще подивился – за оградой воет ветер и злится вьюга, а в парке снег падает мягкими хлопьями), Манфред увидел розовый куст. Розы среди зимы – это диковина, и он подъехал ближе, чтобы рассмотреть получше…

– Ты же помнишь, я обещал дочерям привезти им, что пожелают, – проговорил он, а я ответила:

– Я всегда говорила тебе, что ты слишком их балуешь!

– Да, конечно… – Манфред тяжело вздохнул. – Так или иначе, но головной убор для Дианы я раздобыл за морем. Купил у собирателя древних вещей, он сказал, такие рогатые короны носили жрицы Луны… И зеркало для Анны я нашел – редкой чистоты стекло, даже мое отражение в нем выглядит лет этак на десять моложе! Это все осталось при мне, но редкий цветок для Летиции все никак не попадался. Вернее, я купил один, но он завял по пути, должно быть, не вынес

холода…

Он жестом попросил подлить еще горячей воды. Но ведра тоже уже остыли, и Манфред с кряхтением принялся выбираться из ванны. Я подала ему полотенце и стала слушать дальше.

– А тут этот куст, – проговорил он, одеваясь, – как нарочно подвернулся! Я обрадовался и сорвал розу. Откуда мне было знать, что хозяин так трясется над своим садом!

– Подумать, откуда бы взяться цветущему розовому кусту в это время года, ты, конечно, не мог, – усмехнулась я, помогая ему надеть теплый халат.

– Да я мечтал поскорее убраться оттуда! – вздохнул Манфред, завязывая пояс. – Решил, сорву цветок, Летти этого будет достаточно. А то нехорошо выйдет, что старшим я подарки привез, а ей ничего не досталось… Ну и сорвал…

Он передернул плечами и понурился.

– Ты не поверишь, Триша… Ты никогда не верила в чудеса, – сказал он наконец. – Но только я чуть на месте не умер, когда передо мной появилось чудище и заявило, что убьет меня… Я, дескать, испортил его любимый розовый куст! Это так я отплатил за гостеприимство!

– Таблички нужно вешать, как в дворцовом саду, – вставила я, – помнишь, мы видали?

– Вот и я так сказал, – хмуро ответил Манфред и допил остывшее вино. – Но поди убеди тупого зверя… Он заявил, что за этот клятый цветок я расплачусь жизнью, и я едва умолил его дать мне немного времени, чтобы проститься с вами. Я думал просто остаться дома, а то и уехать подальше, но монстр сказал, что если я нарушу обещание, то умру жестокой смертью, где бы я ни был, а потом умрут все мои родные… И добавил, что любая из моих дочерей может занять мое место, и ей ничто не будет угрожать, она станет жить в довольстве и праздности…

Воцарилось молчание.

– Я решил, что должен хотя бы рассказать об этом… – Манфред просительно посмотрел на меня. – Триша, ведь можно же что-нибудь придумать? Молитвы, думаю, не помогут, но если показать то поместье охотникам…

– Эх ты, глупец, – ответила я. – Если на том доме сильное заклятье, то никакие охотники его не найдут, если хозяин не позволит. Ты попал туда случайно, а по чужой злой воле никто туда не войдет, если только его не впустит кто-то изнутри… И не смотри на меня так! Я вынуждена слушать весь тот бред, что читает Летти! Но, должна сказать, в нем есть зерно истины.

– Утешила, ничего не скажешь, – мрачно произнес он. – И что же теперь делать?

– Если ты расскажешь об этом девочкам, уверена, Летти с радостью займет твое место, – сказала я.

– Вот именно… – Манфред ссутулился. – Я не могу не вернуться, но если я окажусь заперт в том поместье или умру, что станет с дочерьми? И отпустить одну из них не могу тоже, кто знает, на что способно это чудовище?!

– Манфред, – сказала я и сняла забрызганный фартук. – Давай ты не будешь притворяться? Я слишком хорошо знаю тебя, меня ты не обманешь… Ты хочешь, чтобы твое место заняла я, ведь так?

Он молча кивнул, не смея взглянуть мне в глаза.

– Ну что ж… – Я положила аккуратно свернутый фартук на скамью. – Значит, так тому и быть. Надеюсь, без меня дом не зарастет грязью, а ты не разоришься.

– Триша…

– Ничего, Манфред, – вздохнула я. – Это по меньшей мере интересно…

– Триша, там горы золота, – выговорил он отрывисто. – Этот монстр прислал целый сундук сюда, он должен быть у дверей, сходи проверь… С таким приданым мы смогли бы найти девочкам такие партии!

«Купить им мужей-аристократов из тех, что победнее, – закончила я мысленно. – Или купцов из тех, что побогаче».

– И ты не можешь доверить кому-то из девочек добычу этого золота, верно я тебя поняла?

– Конечно. Они же совсем дурехи, а старшие еще и не согласятся… Летти это тем более поручать нельзя, ты сама знаешь, какой ветер у нее в голове!

– Хорошо, – мне стало смешно, – а меня ты кем намерен выставить?

– Как и было сказано – членом моей семьи, – серьезно сказал Манфред. – Если ты откажешься, я не стану тебя винить, ты не обязана отвечать за мою глупость. Главное, позаботься о девочках, я оставлю тебе доверенности, деньги, все!

Я молчала. Конечно, соблазнительно было ответить отказом и заполучить в свои руки солидные средства, самой распорядиться судьбами девочек… Но я прекрасно понимала, что дело Манфреда не потяну, деньги скоро закончатся, а когда я выдам племянниц замуж и останусь одна, мне едва хватит средств на скромный домик где-нибудь в предместьях! Вряд ли сундуки с золотом станут появляться каждую неделю, а какой может быть заработок у одинокой женщины? Шью я умело, но портних и швей и так хоть отбавляй, а чем еще заняться? Огорода, курятника да пары коз хватит только на то, чтобы не умереть с голоду. Может, кто из девочек возьмет меня к себе, если позволит муж, но, признаюсь, мне порядком опостылело быть приживалкой!

Отчего я так легко поверила в эту сказку? Это просто: Манфред всегда терпеть не мог подобные истории, у него попросту не хватило бы воображения, чтобы сочинить это, вдобавок я сходила и проверила – сундук с золотыми монетами оказался у дверей. Я даже сдвинуть с места его не смогла, настолько он был тяжел! И как после этого не принять на веру слова Манфреда? Возможно, он и приукрасил что-то, а о чем-то умолчал, но…

– И сколько же времени отпустило тебе чудовище? – спросила я, уложив его в постель.

– Всего сутки, – выдохнул Манфред и схватил меня за руку. – Иначе мне конец! А ехать тут недалеко, я добрался за несколько часов, дорога сама под ноги

легла…

– Ну что ж, я успею собраться, – кивнула я и вышла, погасив свечу.

Надо же, как быстро меняется жизнь! Я и не собиралась ехать невесть куда, жить в чужом доме, но… У Манфреда было множество недостатков и в то же время – поразительное чутье на деньги! И если он сказал, что в лесном поместье можно поживиться, отчего бы не рискнуть? Выбора у меня особого не было, а с богатым приданым, как знать, может, и я найду себе жениха?

Глава 2

Все утро я укладывала вещи – негоже въезжать в чужой дом с единственной сменой белья. Неизвестно, сколько времени я там пробуду, но даже если хозяин решит убить меня, я предпочитаю умереть в чистой одежде, а не в обносках!

Взяла я с собой и запас бумаги с чернилами: вдруг получится писать родне? Озаботилась и припасами: сухари и вяленое мясо весят немного, но могут пригодиться.

Девочкам, когда те перестали прыгать от радости и вдосталь налюбовались подарками, Манфред сказал, что я еду помогать нашей престарелой родственнице. Дескать, девочки уже взрослые, не сегодня завтра замуж, прибирать за ними и вытирать носы давно не нужно, сами справятся, а старой тетушке Агате нужен присмотр: от служанок, сколько ни плати, толку не будет. Глаз да глаз за ними!

Они огорчились, конечно, но слова «скоро замуж» заставили их забыть обо мне. Разве что Летти пригорюнилась, но я верила, что это ненадолго.

После обеда Манфред сам отвез меня к лесу. На задке повозки были приторочены внушительные сундуки с самым необходимым, а запрягли в нее того самого пегого – он должен был знать дорогу.

– Спасибо тебе, Триша, – тихо сказал Манфред, обняв меня на прощанье.

– Береги девочек, – ответила я и взяла у него вожжи. – Н-но, пошел!..

«И да поможет Создатель…» – произнес он одними губами, да только я не разобрала, кому он желал этой милости.

Признаюсь, я порядком замерзла, прежде чем пегий конь вывез меня к воротам. Выглядели они так, будто их не отпирали много лет, а то и веков, а дозваться кого-нибудь мне не удалось. Странно, Манфред ведь сказал, что ворота были приоткрыты! Или их озаботились запереть после его визита? Впрочем, мне-то какая разница!

Начинался снегопад, а в доме, что виднелся вдалеке, я не заметила ни единого огонька…

– Что ж, Джонни, – сказала я коню, – придется тебе потрудиться, раз нас не собираются впускать!

Замок на воротах выдержал, но не выдержали петли, когда я захлестнула воротину веревкой, привязала ту к задку повозки и заставила Джонни поднапрячься. Створка повисла, перекосившись, и отодвинуть ее так, чтобы можно было проехать, труда не составило.

– Манфред не солгал, – сказала я вслух, миновав аллею и остановив коня у парадного подъезда. – Но где, спрашивается, слуги? Безобразие…

Распрячь Джонни было минутным делом; я взяла его под уздцы и повела направо – Манфред сказал, там есть конюшня. И правда, добротное строение обнаружилось совсем рядом, и могучий конь благодарно фыркнул, почуяв тепло. Слуг, однако, я по-прежнему не видела, а обихаживать жеребца сама не собиралась. Вернее, я могла вычистить его и задать корма (мешок овса я тоже прихватила, а то поди знай, чем тут кормят лошадей!), но сперва хотела оглядеться.

Оставив Джонни обсыхать и отдыхать, я вернулась на крыльцо и постучала в дверь. Открывать мне не спешили, так что я решительно потянула на себя ручку и проскользнула в узкую щель.

В доме было тихо и темно, пахло пылью.

– Хозяин! – громко позвала я, когда мне надоело озираться. – Где вы? Я приехала вместо Манфреда Райли, припоминаете этого олуха? Он сорвал розу для младшей дочки в вашем саду!

– Значит, ты заменишь его? – негромко пророкотал низкий голос в глубине дома.

– Я сказала это с самого начала, сударь, – с достоинством повторила я. – Манфред говорил, у вас есть слуги. Не будете ли вы так любезны отрядить кого-нибудь на конюшню? Моего коня нужно вычистить и задать ему корма… И я была бы благодарна, если бы мои вещи из повозки отнесли туда, где вы намерены меня разместить.

Несколько мгновений царила тишина, а потом я услышала зловещий смех. Возможно, кого-то он устрашил бы, но я сама учила девочек смеяться в пустой кувшин, и не одна кухарка пугалась этих жутких звуков!

– Ты думаешь, что задержишься здесь надолго? – поинтересовался неведомый хозяин.

– Это уж как вам будет угодно, сударь, – ответила я. – Однако если вы не намерены сожрать меня сию же минуту, я предпочла бы принять ванну, переодеться и отдохнуть с дороги. Вряд ли вам придется по вкусу дама, пропахшая конским потом!

Смех повторился, но мне показалось, что он сделался не таким… хм… зловещим.

– Иди вверх по лестнице, – приказал невидимка, и в холле вспыхнули десятки свечей.

О! Это было прекрасное здание! Только запущенное донельзя. Я вздохнула и, подобрав подол, поднялась по пыльным ступеням.

– Ты будешь жить здесь, – объявил мне хозяин, когда я дошла до середины галереи, и дверь со скрипом распахнулась.

– Тут довольно холодно, – сказала я, осмотревшись. – Нельзя ли мне получить мои вещи? Сундуки на задке повозки, напоминаю!

– Их доставят тебе, – услышала я ответ после долгой паузы.

– А что насчет ванны? И ужина? – решила я продолжить, но услышала только громкий рык и треск, будто бы кто-то с силой захлопнул дверь. – Ну что ж…

– Не злите хозяина, госпожа, – тихонько сказал женский голос за моей спиной, но, обернувшись, я никого не увидела. – Если он рассердится, то может и убить… А так он ничего, не злой, право слово!

– А ты кто? – с интересом спросила я, присев на кровать.

– Я, с вашего позволения, горничная, госпожа, – ответила пустота. – Меня зовут Моди. Я слышала, вы желаете ванну с дороги?

– Не откажусь, Моди, – улыбнулась я. – И неплохо было бы все же позаботиться о моем коне. Я отвела его на конюшню, но…

– Я скажу Питу, чтобы обиходил его, – перебила невидимая девушка, – уж об этом не переживайте! А Пол и Ник притащат ваши сундуки. Подождите немножко, госпожа, сейчас я все устрою!

– Устроит она, – вклинился глубокий женский голос. – Иди, гоняй этих бездельников, а я помогу гостье. Я Роуз, госпожа.

– Рада слышать, – ответила я. – А я – Триша Райли.

– Будем знакомы, госпожа… Моди, ты все еще здесь?! – громыхнула Роуз. – Живо за работу!

– Бегу! – рассмеялась та.

Сами собою вспыхнули свечи и огонь в камине, а невидимые руки совлекли с меня верхнюю одежду.

– Сейчас будет готова ванна, госпожа, – сказала Роуз, – извольте пройти вон в ту дверь, там купальня…

– Замечательно! – сказала я, увидев большую ванну на львиных лапах, наполненную горячей водой. – Просто чудо!

– Никаких чудес, просто слуги в этом доме устали сидеть без дела, – хихикнула она. – Вам помочь, госпожа? Насчет мальчишек не беспокойтесь, Моди их прогнала… Моди?

– Конечно, прогнала, – отозвалась та, – они норовили подглядывать, ну да что с них взять? А что вы хотите на ужин, госпожа?

– Да уж что найдется, час-то поздний, – ответила я, погрузившись в теплую воду. – Нарочно готовить не нужно.

– Не нужно! – фыркнула Роуз, и я почувствовала, как она пробует воду рукой, а потом мочалка взлетела, намылилась будто сама собою и принялась тереть мне спину. Хорошо еще, я успела заколоть на макушке только накануне вымытые волосы, не то пришлось бы их сушить, а это та еще морока. – Ничего толкового на кухне нет. Моди, поди поджарь пару отбивных, да поживее!

– Бегу!

– Хлеб у меня с собой, – сказала я как бы между прочим.

– Неужто? Настоящий хлеб? – Мочалка вдруг плюхнулась в воду.

– Да, с утра выпечен. Его немного разогреть у огня, будет словно только что из печи.

– Госпожа… – Роуз перешла на шепот. – Если позволите взять хотя бы по крошке, мы…

– Хоть по ломтю, – удивленно сказала я. – Там три ковриги, хватит вам?

– Конечно, госпожа! – Невидимая женщина всхлипнула. – Только мы немного… чтобы вспомнить… А остальное вы берегите! Ох, я сама приберегу, вы же не знаете как!

– О чем ты? – удивилась я.

– Мы тут настоящего хлеба уж сколько лет не пробовали…

– Неужто сложно самим испечь? Или муки нет?

– Не в этом дело, – тяжело вздохнула Роуз и, когда я встала, закутала меня в огромную простыню. – Не знаю, как объяснить вам, госпожа. С голоду-то мы здесь не пухнем, всего вдосталь… Может, потом поймете.

– Конечно, – кивнула я, решив не настаивать, – успею еще разобраться.

Роуз подала мне одежду – мои сундуки волшебным образом появились в углу спальни, – расстелила постель, а тем временем вернулась Моди с подносом. Скажу честно, такого нежного жаркого я не пробовала отродясь! Да и вино было выше всяческих похвал…

– У хозяина отлила немножко, – хихикнула невидимая горничная, взбивая подушки, – авось не заметит!

– Спасибо, – улыбнулась я, покончив с трапезой, и отдала ей поднос. – Скажите-ка, а как рано встает хозяин?

– Хорошо, если к полудню, – фыркнула Роуз. – Бродит всю ночь то по дому, то по округе, потом спит… А вас, госпожа, когда будить прикажете?

– Пораньше, – попросила я, потому что привыкла подниматься с рассветом. – Хоть огляжусь…

– Как вам будет угодно, – отозвалась Моди, и голоса стихли.

Я же улеглась на мягкую кровать, в чистую постель, потянулась и уставилась в потолок. Правду сказать, потолок был пыльным донельзя, а уж сколько там было

паутины!..

С этой мыслью я и уснула.

Глава 3

– Госпожа, – растолкала меня поутру Моди, – поднимайтесь скорее, хозяин желает видеть вас за завтраком!

– Надеюсь, не я буду главным блюдом? – спросила я и зевнула. Выспалась я отменно!

– Ну вы и скажете, – хихикнула горничная. – Идите-ка лучше умываться, а я пока вам платье приготовлю…

Моди оказалась куда расторопнее моей служанки, так что одета я была очень быстро. Еще сколько-то времени заняла прическа, потому что волосы у меня густые и длинные, сладить с ними не так просто. Подкрашивать лицо с утра пораньше я не считала приличным, поэтому хоть на этом удалось сэкономить немного времени.

– Ну просто конфетка, – сказала Моди и тут же ойкнула: – Простите, госпожа, у меня язык за зубами не держится, как Роуз говорит…

– Я не обиделась, – ответила я, разглядывая себя в зеркале. – Но на конфетку я не похожа. Скорее, на лакричную палочку, а? Что смеешься?

– Да странно просто, госпожа, – горничная поправила мне подол, – чтобы кто из господ этак вот со слугами шутил, я такого и не упомню!

– Так я не первая гостья здесь?

– Не первая, – осторожно ответила Моди.

– А предыдущие… Что с ними сталось? Они умерли? – негромко спросила я.

– Нет, госпожа, что вы! – воскликнула горничная. – Нет-нет! Все живехоньки ушли… Кто сбежал, кого хозяин сам выгнал… Вот вам честное-распречестное слово, ни одну гостью он и пальцем не тронул! Обзывал – было дело, но и только! Это же нельзя, насильничать-то, колдовство не сработает…

Я не стала расспрашивать, решив разузнать об этом самом колдовстве попозже, если хозяин не съест меня при знакомстве.

«А он, наверно, мог бы и сожрать…» – так я подумала, увидев это чудовище, но заставила себя сделать реверанс и встала, смиренно сложив руки и стараясь не глядеть на хозяина дома.

– Кто же ты такова? – пророкотал он, даже не подумав поздороваться.

– С вашего позволения, я сестра Манфреда Райли, которого непогода и воля судьбы вынудили искать пристанища под вашей кровлей, сударь, – ответила я. – И я уже говорила об этом вчера. Возможно, недостаточно громко.

– Он обещал вернуться сам либо же прислать кого-то из своих дочерей…

– Манфред старше меня на двенадцать лет, и он заботился обо мне после смерти наших родителей как о родной дочери, – ответила я, почти не солгав.

– Отчего же он прислал тебя, а не одну из них?

– Девочки еще и предположить не могут, что может учинить над ними кто-то вроде вас, – сказала я. – И у них вся жизнь впереди. Ну а я уже немолода, мне всяко пришлось бы коротать век или в приживалках у брата, или в священной обители. Но если я могу выручить Манфреда, я это сделаю!

– Немолода? – Зверь подался вперед. – Ты что, смеешься надо мной?

– Нисколько, сударь. Я давно считаюсь старой девой, – бестрепетно произнесла я, – и даже если брат даст за мной богатое приданое, вряд ли кто позарится на меня. Быть может, только какой-нибудь безденежный мужчина, но я не хочу

связывать с таким свою жизнь. Лучше уж обитель!

– Какая ты странная, – пробормотал он. – Ты что, не боишься меня?

– Боюсь, конечно, – ответила я. – Вы довольно-таки страшны на вид, а вдобавок от вас несет псиной. Это несложно перетерпеть, но я опасаюсь, что у вас есть блохи. Вот уж чего мне не нужно…

Хозяин громко рыкнул, показав клыки, и, думаю, окажись на моем месте Анна, Диана или Летти, они в ужасе закрыли бы лицо руками. Я же сказала:

– А еще у нас говорят, что жилище – лицо хозяина. Так вот, должна вам сказать, лицо это выглядит неумытым!

– Что ты несешь? – недоуменно спросил монстр.

– Повсюду пыль и беспорядок, – ответила я. – В моей комнате потолка не видно за паутиной! Уж простите, сударь, но жить в такой грязище я отказываюсь. Либо позвольте мне навести порядок, либо отпустите восвояси… Я согласна отвечать за прегрешение брата, но это не означает, будто я должна жить в хлеву!

– Ах, в хлеву!.. – Он рванулся ко мне так быстро, сметая со стола приборы и вазы, что я не успела опомниться, как увидела перед самым своим носом оскаленную пасть. – Не слишком ли много ты возомнила о себе?!

– Не более, чем вы. – Я сморщилась и отвернулась, помахав ладонью перед носом. – Из вашей пасти омерзительно пахнет. Не знаю, с желудком у вас проблемы или с зубами, но пока вы их не решите, прошу, не дышите в мою сторону!

– Но…

– Когти у вас грязны, – добавила я, взглянув на глубокие борозды, которые эти когти оставили на столешнице, – и поломаны. Вы что, нору ими копали? Вам мало этого дома? А грива ваша засалена так, будто вы отроду не мылись. Отвратительное зрелище… Если боитесь воды, хоть расчешите эту пакость, в ней уже птицы могут гнезда вить!

Он отпрянул, недовольно ворча, а я, хоть сердце мое билось с неистовой силой от страха, заставила себя улыбнуться жуткому зверю с человеческими глазами. Нечесаная буйная черная грива наводила на мысли о львах, а вот морда могла принадлежать и медведю, и льву, и волку. Так или иначе, но хозяин поместья запросто мог бы откусить мне голову, если бы захотел.

Нужно было сказать еще хоть что-то, и я, сев за стол, произнесла:

– Я должна извиниться за содеянное моим братом по недомыслию, сударь. Он не знал, что тот цветок так много значит для вас. Надеюсь, розовый куст вновь расцветет, а до той поры позвольте мне скрасить ваше одиночество…

– Так и быть, – после паузы произнес он и тяжело уселся напротив. – Оставайся. Ты ни в чем не будешь знать отказа, но знай: попытаешься сбежать – умрешь!

– Чего ради мне бежать? – фыркнула я, выбирая десерт. – Попрошу лишь об одном….

– Ну?

– Я могу дать знать брату и девочкам, что жива? Как вы это устроите, не важно, лишь бы они не волновались о моей участи!

– Я прикажу отправить письмо, – сказал он, помолчав. – А ты… Да, как тебя зовут?

– Родные называли Тришей, – улыбнулась я в ответ. – А как ваше имя?

– Грегори, – неохотно ответил он. – Большего тебе знать не нужно!

– Как скажете, сударь, – ответила я. – Позволите ли вы мне немного прибраться в доме? Повторюсь, я не привыкла жить в таком беспорядке.

– Делай что хочешь, – сказал он и отвернулся. – Со слугами договаривайся сама, авось разберешься… Но не смей ходить в западное крыло!

– Там что, особенно грязно? – фыркнула я.

– Там мои личные покои… – негромко сказал Грегори, и я поняла, что лучше не перегибать палку: в темных глазах загорелись золотые огни, и выглядел хозяин дома так, будто вот-вот кинется на меня. – А я не привык, чтобы кто-то копался в моих вещах! Делай что заблагорассудится, но если сунешься ко мне…

– То что? – спросила я, хотя и так знала ответ.

– Убью, – коротко ответил он и встал, едва не опрокинув стол. – Я не шучу!

– Он не шутит, – шепотом сказали Роуз и Моди, когда Грегори исчез. – Осторожнее, госпожа, он в самом деле может убить…

– Ну, если не соваться в его комнаты, то ничего не случится, – ответила я и налила себе еще травяного отвара, душистого, он пах летним лугом. Мне не хватало привычного чая, но я полагала, что с этим смогу разобраться попозже. Раз припасы откуда-то берутся, значит, можно и чая с кофе раздобыть. – Но у нас и так хватит работы, верно? Хозяин разрешил делать, что мне заблагорассудится, стало быть, мои дорогие, нужно навести здесь порядок!

– Вот это по мне! – довольно сказала Роуз и крикнула: – Джуди, Тесси, Лили, Кора – а ну живо за дело! И ты, Моди, не стой столбом!

Я не видела помощниц, но уже к обеду приспособилась различать их по голосам и придумала, как кто выглядит. Роуз, ясное дело, крепкая матрона средних лет, самая старшая из служанок, вон как покрикивает на них! Моди – смешливая девушка, вряд ли старше Летти, наверняка веснушчатая, любительница прифрантиться. Джуди – скромная и серьезная, Тесси – деловитая и немного занудливая, Лили – копия Моди (потом я узнала, что они родные сестры), а Кора – очень обидчивая (Роуз сказала мне, что ее сильно дразнили в детстве, девочка немного заикалась). Были еще и мужчины: конюх Пит (наверняка добродушный здоровяк) – он с любовью отзывался о моем пегом Джонни, Пол и Ник – совсем молодые расторопные ребята, которые запросто вытаскивали на двор пыльные шторы и истоптанные ковры, а еще имелись Стив, Хэл, Дик… И конечно, дворецкий – Хаммонд. Его я представляла себе высоким сухощавым мужчиной в летах, с благородной сединой и орлиным профилем. Ну а личный слуга хозяина, Эрни, был очень шустрым коротышкой, он вздыхал по Моди…

К середине дня во дворе образовалась гора ковров, гобеленов, штор и прочих тряпок, которыми был полон первый этаж. Заняться ими я решила позже, а сперва велела Стиву с Диком спустить на цепи громадную люстру и надраить ее как следует, не то бронзовых завитков и хрусталя не было видно под потеками воска и копотью. Другие юноши мыли окна (и порядком выстудили дом, но что поделаешь), чистили каминные решетки (и сами камины, которыми, кажется, годами никто не занимался, как еще дом не сгорел!). Девушки натирали полы, драили перила, канделябры, выносили мебель, выбивали на дворе подушки и перины…

Прервались мы только на обед. Хозяин спуститься не пожелал, Эрни подал ему наверх, а я решила перекусить на кухне со слугами, поскольку гостиную и столовую мы разгромили подчистую.

– Похоже, генеральной уборки тут не было давным-давно, – сказала я, получив тарелку горячего супа.

Роуз готовила отменно, и я воздала должное ее талантам. Остальные тоже вмиг смели угощение – любопытно было наблюдать, как еда пропадает с тарелок! Только хлеб они берегли, ели чуть не по крошке, и я наказала себе расспросить Роуз, что это означает.

– Да, госпожа, я уже и не упомню, когда последний раз затевали такую уборку, – вздохнула та. – На кухню хозяин не заглядывает, тут мы еще худо-бедно порядок наводим…

Я окинула взглядом блестящую медную утварь, оценила чистоту котлов и блеск столовых приборов, выскобленные столы и чистый пол и кивнула:

– Сразу видно, что уж тут все в полном порядке!

– Спасибо, госпожа, – довольно ответила Роуз. – Только и знаю, что гонять этих бездельниц! А в господских покоях разве что пыль обметешь да полы помоешь… Только, бывало, возьмешься за дело, хозяин рычит – то сквозняки устроили, то шумим, то еще что… Мы и перестали. Так, прибирали, чтоб вовсе уж грязью не зарасти, и то потихоньку!

– Странно, что он до сих пор не вызверился, – вздохнул Эрни. – Сидит молчит, даже не обругал меня за то, что я суп разлил.

– К вечеру точно закипит, – авторитетно ответила Моди и подвинула ему тарелку с сыром. – Вот тогда и будем прятаться!

– Раз так, не стоит терять время, – сказала я и встала. – Роуз, благодарю за обед… Молодые люди – живо на двор! И чтобы к вечеру все ковры были вычищены – снегу нападало довольно… Так, а вы, девушки, тоже беритесь за выбивалки – вон сколько перин нужно привести в порядок! Что со шторами делать, даже не знаю, выстирать бы, но это какой чан понадобится?

– Чан у нас имеется, – деловито сказала Роуз. – Сейчас мальчишки притащат, он в пристройке… Только воды туда надо… бочку, а то и две! Натаскаешься, пожалуй!

– Зачем таскать? – удивилась я, припомнив красильщика с соседней улицы и его чаны. – Разведите костер на дворе да грейте воду прямо в котле, быстрее выйдет!

– И правда что, – ответила она и похлопала в ладоши. – А ну-ка, живо за дело! Скоро темнеть начнет, а работы еще непочатый край!..

Конечно, до темноты мы со всем управиться не успели. Правда, гостиная теперь сияла чистотой, на натертом до блеска полу лежал вычищенный ковер, а свежевымытые окна покрылись морозными узорами. В камине негромко потрескивали поленья, в люстре под потолком ярко горели свечи, и хрустальные подвески переливались в этом свете. На отполированном дубовом столе мягко сияло начищенное серебро, избавленная от пыли мебель выглядела если не новой, так хоть ухоженной, а темные портреты в золоченых рамах будто бы воспрянули духом и сами взялись прихорашиваться. Ну, во всяком случае, мне показалось, что дамы стряхнули пыль и паутину с пышных кринолинов и гофрированных воротников по моде столетней давности, поправили высокие напудренные прически и подрумянили лица. Но скорее всего это просто вездесущая Моди прошлась со своей метелкой по картинам, а огонь свечей дал теплые отблески…

– Вот красота, – довольно сказала Роуз у меня над ухом. Девушки заносили в комнаты пахнущие морозной свежестью перины. Со двора доносились гулкие удары и уханье – это слуги выбивали тяжелые ковры, начищали их снегом.

Слышна была и ругань – это отряженные к чану с горячей водой бедолаги пытались выудить оттуда шторы и как-нибудь развесить их до того, как они залубенеют на морозе. Н-да, вероятно, со стиркой стоило обождать, пока не потеплеет… Ну да ничего!

– Красота-то красота, но это только первый этаж, – вздохнула я и посмотрела наверх, на галерею. – Там еще коридоры, уйма комнат… До весны нам тут дела хватит!

– А ты так уверена, что задержишься здесь до весны? – вдруг вкрадчиво произнес хозяин дома, неслышно объявившийся у меня за спиной.

Роуз ойкнула от испуга, а я спокойно развернулась к чудовищу и поприветствовала его реверансом. Роуз, должно быть, решила, что у меня железные нервы, но я всего-навсего увидела отражение хозяина в начищенном серебряном кубке, а до того – в темном оконном стекле, а потому не дала застигнуть себя врасплох.

– Если и не задержусь, сударь, то по меньшей мере проведу то время, на которое вы готовы предоставить мне свой стол и кров, не в заросшем паутиной сарае, – любезно сказала я ему.

– Я ведь могу отправить тебя в такой сарай, – сказал он, наклонившись ко мне (ростом я едва достигала его могучего плеча), – на солому, к крысам!

– У нас давно нет крыс, – хладнокровно сказал случившийся поблизости Хаммонд. – Вы, господин, приказали выбросить кошек в лес, но я ослушался. Надоело, знаете ли, ночами швыряться в серых тварей ботинками!

– И девушки их боятся, – добавила Роуз, почувствовав прибытие подкрепления, – вдобавок крысы портят припасы! И чем вам не угодили коты, в толк не возьму?

– Мерзкие твари! – рыкнул хозяин.

– Вы всерьез считаете кошек мерзкими?! – поразилась я. На кухне я видела трех разномастных мурлык, и выглядели они, как и полагается справным кошкам, сытыми и довольными. – Но они всего лишь ловят крыс и мышей. Никто ведь не заставляет вас пускать их к себе в постель!

Судя по хихиканью Моди, она как раз разрешала кошкам ночевать у себя. Я тоже бы не отказалась: с котом теплее и уютнее, а крыс я недолюбливаю, и это мягко сказано!

– В доме они не гадят, господин, – сказал Хаммонд с достоинством, – и если вы все никак не можете позабыть тот прискорбный случай, когда котенок спутал ваш сапог с отхожим местом…

– Он сделал это нарочно! – снова зарычал тот, но уже тише.

– Конечно, вы же его пнули, и не раз, – вставила Моди. – Я сама видела!

– Ну это уж вовсе никуда не годится, – посетовала я. – Обычно только неразумные дети мучают кошек, и то лишь до той поры, пока их не выпорют родители или кошка не отделает этакого маленького палача как следует!

Грегори глухо рыкнул и отвернулся. Видимо, ему не понравилось то, что слуги выступили единым фронтом.

– Где мой ужин? – хмуро спросил он.

– Сию минуту, господин! – выпалил Эрни и испарился, чтобы тут же вернуться с уставленным яствами подносом: девушки время даром не теряли, и ужин был готов к положенному времени. Признаюсь, мне нравились эти расторопные слуги!

– А ей? – кивнул зверь косматой головой.

– С вашего позволения, сударь, я отужинаю со слугами, – сказала я и невольно отшатнулась, когда он снова метнулся ко мне, чуть не перевернув стол (хорошо, Роуз с Хаммондом не дали посуде попадать на пол, не то звону было бы!).

– Ты будешь делать то, что я скажу, ясно?.. – произнес Грегори мне в лицо. Меня снова обдало неприятным запахом, и я поморщилась.

– Как прикажете, – ответила я, отстраняясь, – но… вас не сильно затруднит помыться? Признаюсь, находиться с вами рядом крайне неприятно!

Громко фыркнув, он вылетел за дверь.

– Ой, что будет… – протянула Моди. – Кажется, он всерьез разозлился, госпожа!

– Роуз, ты сказала, что сделать со мною что-нибудь силой он не имеет права? – спросила я.

– Да, госпожа, но вот запереть вас в сарае или на чердаке – это можно, – тяжело вздохнула она. – Ну да не переживайте, умереть от голода и холода мы вам не дадим!

– Спасибо, – улыбнулась я в ответ, но продолжить не успела: хозяин ворвался в гостиную весь в снегу. – Создатель, вы что, в сугробе вывалялись?

– Ты же хотела, чтобы я вымылся, так вот, я сделал по-твоему! – ухмыльнулся он во всю пасть и с наслаждением встряхнулся, как большая собака: брызги полетели во все стороны, оставляя потеки на стенах, на полу… и на мне.

– Вы могли хотя бы выбрать не тот сугроб, в котором чистили ковры? – осведомилась я, отряхивая платье. – Фу, сударь! Теперь от вас несет не просто псиной, а мокрой псиной, а я, уж простите, есть в таком соседстве не приучена. С вашего позволения, я обойдусь без ужина. Приятного аппетита вам…

С этими словами я поспешила подняться по лестнице и захлопнула дверь своей комнаты. Ясное дело, выбить ее ничего не стоило, но я надеялась, что до такого хозяин не опустится. А что до ужина… Сундуки мои стояли в углу, и там нашлось бы чем перекусить. Вдобавок, думаю, на кухне тоже останется что-нибудь, и я вполне могу спуститься туда, когда все утихнет.

Снизу раздавался грохот, звон битой посуды, звериный рык, ну и увещевания слуг, конечно, да только Грегори никого не слушал… «Прибирались-

прибирались, а что толку? Он же разгромит все!» – подумала я и прилегла на взбитую перину. Здесь еще толком не убирались, только пыль да паутину смахнули, ну и постель обновили, но и то стало куда лучше!

Шум утих не скоро, свеча почти догорела. Мимо моей двери тяжело прошагал хозяин, фыркнул в досаде и удалился. Потом ко мне поскреблась Моди, и я впустила ее.

– Ух, как господин лютовал, – шепотом сказала она, снимая крышки с горшочков и тарелок. – Вы ешьте, госпожа, я подогрела…

– Отчего он так озлился? – спросила я.

– Да кто же его разберет? – Моди тяжело вздохнула. – Характер у него, скажу я вам, ужасный! Правда, он сам потом себя корит за то, что не сдержался, но что проку? Уж какую красоту мы сегодня внизу навели, а назавтра, сами увидите, опять прибирать придется… Обиделся, должно быть.

– Пожалуй, мне стоило придержать язык, – согласилась я. – А то, не ровен час, он мне голову откусит!

– Не откусит, нельзя, – грустно сказала девушка и принялась собирать посуду. – Но ударить может, было такое однажды. И выгнать может, это разрешено.

– Моди, постой, – попросила я, – я ничего не понимаю. Вернее, догадываюсь, что ваш хозяин… заколдован, верно? Никогда не верила в сказки, ан поди ж ты…

– Заколдован, госпожа, и мы с ним вместе, – ответила Моди. – Только я объяснять не горазда, я Хаммонда позову. Он лучше знает, правда-правда!

– Позови, будь добра, – кивнула я. – И благодарю за ужин.

В ожидании дворецкого я призадумалась.

Хозяин замка походит на дикого зверя, он зол и свиреп, но прежде он был человеком. По всему выходит, что заклятие (пусть я не верила в колдовство, но невидимые слуги и прочие чудеса меня отчасти переубедили) не позволяет

Грегори убить своего гостя или гостью. Покалечить кого-нибудь, однако, ему ничто не помешает: даже если он легонько оттолкнет меня, а я упаду и ударюсь головой о каминную решетку, добра не жди…

Еще мне показалось, будто он ожидал от меня страха и смирения: и правда, оказаться пленницей в поместье этакого монстра… Да тут любая забьется в уголок с перепугу! Я, однако, вырастила троих племянниц, поэтому не слишком опасалась каких-то там лесных чудовищ.

– Госпожа, вы звали меня? – спросил Хаммонд, деликатно постучав в дверь.

– Да, входи, – пригласила я. – Присаживайся, прошу. Я хотела бы задать тебе несколько вопросов.

– Конечно, о нашем господине? – усмехнулся он.

– Именно, Хаммонд. Ты можешь рассказать мне, что за проклятие лежит на нем?

– Нет, госпожа, – сразу же ответил он, – на это я не имею права. Могу сказать лишь, что господин однажды очень сильно обидел фею, и она, хоть прежде покровительствовала этому дому, отвернулась от нас. Вы сами видите, чем это обернулось.

– Вижу, – кивнула я. – А в чем состояла ее обида?

– Я не могу вам сказать, госпожа, – вздохнул Хаммонд.

– Ну ладно… А почему Роуз так обрадовалась, узнав, что у меня с собою есть хлеб? Она сказала мне спросить у тебя, дескать, сама объяснить не сумеет! Почему вы не можете испечь хлеб сами?

Воцарилось молчание.

– Вы все равно дознаетесь, госпожа, – негромко произнес Хаммонд, и я буквально увидела, как он зажимает ладони между худых колен. – Вы, не в обиду вам будет сказано, вроде охотничьей собаки, не гончей, а той, что по крупному зверю – как вцепится, не оторвешь! Я расскажу, как было дело…

– Нет, не расскажешь! – громыхнул хозяин от дверей. Я же говорила, что выбить створку ничего не стоит! – Пшел прочь… А ты… ты… Довольно совать нос, куда не велено!

– Вы мне покамест ничего не велели, а только позволили прибраться в доме, сударь, – напомнила я. – Да и нет у вас права мне приказывать. А уж врываться к незамужней девице, которая может быть не одета… Вы, прошу простить, на каком болоте воспитывались?

Мощная лапа сграбастала меня за горло и подтащила к страшной морде…

Страшной? Да ну, право! У сторожевого кобеля Манфреда была такая же – вроде жуткая, брыластая, и зубы тот пес скалил ого-го как… Да только смешные рыжие брови и подпалины возле носа сводили на нет все впечатление, а нос… Тут я едва не засмеялась – нос был холодным и влажным. Ну, стало быть, хозяин дома здоров!

– Фу, – сморщилась я и откашлялась: Грегори отпустил меня почти сразу же, хотя синяков наверняка насажал. – Сударь, у вас бешенства нет? Правда? А откуда тогда водобоязнь?

– Что ты несешь? – рыкнул он.

– Я уже в который раз прошу вас вымыться, – терпеливо повторила я. – А если вам нужно сказать вовсе уж просто и доходчиво, то извольте: от вас, сударь, воняет, и премерзко! Это ваше валяние в снегу не поможет, вас с щелоком отмывать нужно!

– Ах так… – неожиданно мягко пророкотал он. – Прекрасно! Вот завтра ты этим и озаботишься – сама, лично!

– Как вам будет угодно, – ответила я, – но сперва позвольте прибраться у вас в комнатах. Не то, если вы чистым да вычесанным рухнете на пыльную лежанку, все можно будет начинать сначала.

– Ну, займись! – мрачно ответил Грегори и вышел. И даже аккуратно приставил выбитую створку к косяку.

– Утром починим, госпожа, – еле слышно вздохнул Хаммонд, прятавшийся поблизости.

– Ничего, переживу, – ответила я и протянула ему руку. – Я уже слышала, что насильничать нельзя, а с приоткрытой дверью я уж как-нибудь ночь переночую…

Глава 4

Так и вышло: спалось мне распрекрасно, а поутру, заморив червячка, я осведомилась, не вставал ли еще хозяин. Оказалось, что нет, угомонился он ближе к рассвету. Вот я и решила, что можно продолжить уборку, если мы не станем слишком уж шуметь!

Собственно, а чем еще можно было тут заняться? Болтать со слугами? Я бы с большим интересом выслушала историю этого престранного поместья, но им явно запрещено было рассказывать о подробностях!

В библиотеке было полным-полно книг, но я не Летти, чтобы читать сутками напролет о вымышленных приключениях никогда не живших людей. Вдобавок книг для развлечения там почти и не было, в основном хроники, кодексы, своды законов, научные труды, в которых я и не чаяла разобраться. К тому же больше половины этих книг были на иностранных языках, а я владею только одним, и то знаний моих хватит лишь на то, чтобы объясниться в лавке или там с извозчиком! Где уж тут читать…

Сидеть взаперти и тосковать было вовсе глупо, примерять старинные наряды (в гардеробной их оказалась тьма-тьмущая) – скучно… Хотя кое-что и можно было перешить для себя, но я не видела в этом смысла. У меня имелось с собой предостаточно одежды, и, пока она не придет в негодность, возиться со старыми пыльными тряпками, с которых осыпалась позолота и истлевшее кружево, я не собиралась.

Может, конечно, со временем дойдет и до того, что я нелюбимое вышивание стану почитать за интереснейшее занятие, но пока мне и без того имелось, чем

занять руки и голову!

По счастью, на втором этаже были все больше коридоры да спальни, где прибраться куда проще, чем в громадной гостиной, библиотека (тут уж мы с Хаммондом и Роуз действовали сами, не доверяя книги юнцам), классные комнаты и детские. (Я слышала, как всхлипнула Роуз, подбирая раскиданные запылившиеся игрушки, и как вздохнул Хаммонд, расставляя на полке оловянных солдатиков.)

– А это покои хозяина, – сказала Моди, подменявшая Роуз, пока та отдыхала на кухне. – Но туда ходить нельзя, он же сам сказал!

– Подай-ка швабру и ведро воды, – ответила я и распахнула двери. – Вот это пылища!..

Окна отворились с треском, впустив свежий морозный воздух, и Грегори, громадным мохнатым комом свернувшийся на большущей кровати, недовольно взрыкнул.

– Доброе утро, сударь, – сказала я и навертела на швабру клок паутины размером со скатерть. Что за пауки тут живут, хотела бы я знать! Вернее, наоборот, не хотела бы. – Подымайтесь, пора за уборку!

«Да поди ты…» – окончание фразы я предпочла не расслышать.

– Подымайтесь, не то вылью на вас ведро воды! А она ледяная! – пригрозила я, оставаясь, однако, на безопасном расстоянии.

– А не слишком ли много ты на себя берешь? – проворчал хозяин, продирая сонные глаза. – Я запретил тебе сюда входить!

– Вы разрешили, не далее как вчера вечером, когда почтили меня своим визитом, – напомнила я. – Завтрак готов, извольте пожаловать к столу, а девушки пока приберутся тут. Ну а после мы займемся вами…

– Делай что хочешь, – неожиданно сказал он, потянулся и встал во весь рост. – Только бумаги не трогай. Где там, говоришь, завтрак?

Признаюсь, мне казалось, будто за ночь Грегори подменили, таким он сделался обходительным. Слуги, однако, трепетали не на шутку.

– Хуже нет, когда он добреньким прикидывается, – прошептал Эрни, поймав меня на лестнице, – после такого он вовсе вразнос идет!

– Поберегитесь, госпожа, – вторила ему Роуз, – у него вечно шутки на уме, и все недобрые!

– Наш хозяин порой дурак дураком, – припечатала Моди, – и лучше ему не попадаться, если ему шлея под мантию попала!

– Хватит болтать, нагрейте-ка лучше воды в том самом чане, в котором шторы полоскали, – велела я и засучила рукава. – И пришлите мне мальчишек – тут шерсть выгребать нужно… Линяет он, что ли?

Похоже, хозяин в самом деле линял хуже собаки, а убирать за ним не убирали, потому что шерсти слуги вынесли мешка три. Хорошая, кстати, шерсть, я не велела выбрасывать – ее и напрясть можно. Собачья шерсть, говорят, помогает от прострела, а эта была примерно такой же.

– Ну и что же? – спросил Грегори, объявившись во дворе.

– Ничего, сударь, скидывайте одежду да полезайте в чан, – ответила я, – попробуем вас отмыть!

– Дровишек сама подкинешь, или эти… – рыкнул он в сторону невидимых слуг, – постараются?

– Чтобы вас сварить, если вы на это намекаете, нужно половину леса на дрова извести, – ответила я, – да и поди удержи вас в чане! Уж скажите правду, что мыться не привыкли, что уж там…

Грегори глухо зарычал, а потом содрал с себя поношенную одежду и, попробовав лапой воду, забрался в чан, только мохнатая голова наружу торчала.

– Грейте еще воду, – сказала я Роуз, – щелок щелоком, но его ведь ополаскивать придется!

Не стану описывать процесс мытья, главное, никто не утонул в чане, никого не съел хозяин, а сам он ухитрился не простыть, хотя его обливали из ковшей, кастрюль и ведер на порядочном морозе. Правда, я полагала, что его и дубиной не перешибешь: жертва заклятия, если я верно помнила книжки Летти, не может умереть от банальной простуды или там свернуть себе шею, прежде ей придется вдосталь помучиться!

– Теперь ты довольна? – мрачно спросил Грегори, улегшись на ковре у камина.

Мокрый, взъерошенный, со слипшейся сосульками шерстью, он выглядел не страшно, а жалко.

– А ну-ка… – велела я, и в руку мне лег лошадиный гребень. Ну, точно, Эрни пошутил или Пит! Впрочем, они угадали, именно это и было мне нужно. – Лежите смирно, сударь…

Вычесывать чудовище пришлось долго: шерсть была очень густой, а уж с таким подшерстком хозяин точно мог ночевать на снегу!

Отмытая расчесанная шкура распушилась у огня, и стало ясно, что Грегори вороной масти с подпалом: густая пышная черная грива волнами спускалась от затылка чуть не до пояса, а на груди обнаружились темно-рыжие подпалины, я уж молчу про брови и морду…

– И как это тебе не стыдно? – спросил он, когда гребень спустился ниже его груди. Тут шерсть была короче, мягче и мало что скрывала.

Я ответила:

– Если б я падала в обморок от стыда всякий раз, как обихаживала коня, то позвала бы лекаря, чтобы прописал мне что-нибудь от нервов. Хотя валериановой настойки или пустырника я и безо всякого лекаря выпить могу. Вы же, сударь, жеребцу проигрываете по всем статьям, так что лежите смирно…

– Тут уж я сам, – ответил он сквозь зубы, отобрал у меня гребень и повернулся спиной. Грива встопорщилась, а мышцы на спине и на бедрах напряглись, когда Грегори задвигался. Это было красиво: я всегда любила наблюдать за сильными зверями, будь то лошади, собаки или кошки…

– Не забудьте про хвост, – любезно напомнила я, и он гневно хлестнул себя этим самым хвостом по бокам. – Там кисточка довольно-таки густая, рекомендую расчесать, если мне не доверяете…

– Где моя одежда? – рыкнул он, оставив мои слова без ответа.

– Сию секунду, господин! – охнул Эрни и умчался, пока хозяин с ворчанием раздирал длинную шерсть на кончике хвоста.

– И напильник принеси! – крикнула я вслед.

– Это еще зачем? – обернулся Грегори.

– Когти вам подпилить, – ответила я, – не то вы как-нибудь почешетесь и глаз себе вышибете.

– Представь себе, я могу их втянуть, – мрачно ответил он, показав мне свою лапищу: когти в самом деле сверкнули и исчезли.

– Как не любимые вами кошки? – приятно удивилась я, и он снова зарычал. Это звучало так, будто неподалеку собирается гроза. – А когти все же подпилите, а то, повторюсь, один сломан, другой треснул… И на ногах тоже, что вы по паркету ими клацаете? За ковры еще не цепляетесь?

Громовые раскаты сделались громче, но Грегори ничего не сказал.

– Так-то лучше, – кивнула я и отправилась к себе: нужно было сменить платье, а то я мало того что оказалась вся в шерсти, так еще и подол намочила!

Не успела я привести себя в порядок, как ко мне постучалась Моди. Кажется, она сама себя назначила моей горничной, а я не возражала: девушка была расторопной, умелой, сметливой и не нахальной, а таких служанок поди поищи!

– Хозяин требует вас к столу, – сообщила она, когда я открыла дверь. Пит починил ее еще с утра, но смысла запираться я не видела – если Грегори захочет, он и две такие двери вышибет, не особенно напрягаясь.

– К столу или на стол в качестве жаркого? – уточнила я, поправляя волосы.

– Больно жирно ему будет! – фыркнула Моди и спохватилась: – Ой, да, госпожа… он велел вам надеть вот это!

– Это?! – У меня дар речи пропал, и слава Создателю, не то я бы высказала все, что пришло мне на ум. – И не подумаю!

– Госпожа, он опять разозлится, – жалобно произнесла Моди, держа передо мной пышное золотистого цвета платье с широченными фижмами, нескончаемым шлейфом и глубоким декольте.

– Пускай злится, – ответила я, воткнув в прическу еще одну шпильку. – Сама посуди, я в этом платье в двери только боком пройду! А если я поднимусь по лестнице, шлейфа на все ступеньки хватит, как ковровой дорожки. Ну и на вырез погляди, он же мне до пупа будет! И не хихикай, мне в нем показывать особенно нечего. Тут фигура нужна – вот!..

Я изобразила руками обводы крайне грудастой особы, и Моди захихикала.

– И не переживай, – добавила я, – с хозяином я объяснюсь сама. А это великолепие унеси в гардеробную, ему там самое место.

По моему мнению, место этой древности было на свалке, но об этом я умолчала.

Разумеется, Грегори был недоволен. Сам он приоделся (вернее, это Эрни с Хаммондом выбрали ему наряд поприличнее) и в белоснежной рубашке и бриджах выглядел очень импозантно.

– Я, кажется, приказал тебе переодеться? – произнес он вместо приветствия.

– Да, сударь, Моди передала мне вашу настоятельную просьбу, – я постаралась выделить голосом последние два слова, – но я не сочла возможным удовлетворить ее.

– Отчего же? – негромко спросил он, щуря глаза. – Платье недостаточно хорошо для тебя?

– С вашего позволения, – сказала я, – этот наряд показался мне неуместным. Во-первых, я не умею носить этакие платья. Я, изволите ли видеть, из простой семьи, и хоть нужды мы никогда не знали, носить подобного мне никогда не приходилось. А даже если бы мне довелось блистать на балах, то… Уж простите, такой фасон вышел из моды лет двести назад. И вряд ли даже нынешние принцессы знают, как управляться с этакими фижмами! А еще мне бы не хотелось наступить себе на подол, запутаться в шлейфе и свалиться с лестницы, если уж на то пошло…

– Ты слишком много болтаешь, – буркнул он, переварив мое объяснение, и взялся за жаркое.

Правду сказать, манеры у него оказались недурны, сразу было видно, что их когда-то вколотили в Грегори намертво. Конечно, орудовать ножом и вилкой ему было не слишком удобно, с этакими лапищами, но хоть когтями он мясо не рвал, и на том спасибо!

– Мне просто хотелось пояснить вам, почему я отказалась от вашего, вне всякого сомнения, лестного дара, – учтиво ответила я, решив умолчать о том, что меня не прельщала идея донашивать чужие вещи, как бы дороги и красивы (для своей эпохи) они ни были.

– Побрезговала, – вдруг ухмыльнулся он, и в непроницаемых темных глазах вспыхнули нехорошие огоньки.

– Да, сударь, – не стала я отрицать, раз уж он все равно разгадал мои мысли. Или почуял? Как знать! – Мне неприятно одеваться в чужие обноски, будь они хоть сверху донизу усыпаны жемчугами и алмазами.

– Драгоценностей тебе захотелось? – неожиданно спросил Грегори, резко отодвинув тарелку и едва не смахнув ее на пол.

– К чему они мне? – пожала я плечами. Надо не забыть поблагодарить Роуз и остальных – готовили тут изумительно! Только вот хлеба не хватало, но об этой странности я решила пока не спрашивать. – Перед зеркалом красоваться? Или перед вами? Тоже пришлете какую-нибудь шкатулку и велите обвеситься разными побрякушками? Знаете, в столице я видела в ювелирной лавке такие деревянные штуковины как часть скульптуры. Обычно это только шея да бюст. Их обтягивают черным бархатом или еще чем, да надевают на них ожерелья, чтобы лучше видно было.

– Придумают же… – хмуро ответил Грегори, даже не вспылив на этот раз, и снова придвинул к себе тарелку.

– В ваше время такого не было? – осторожно поинтересовалась я.

– Что значит – в мое время?

– Судя по этим нарядам, обстановке, портретам, вы здесь не один год и даже не десять лет, – сказала я. – Мой брат – купец, сударь, старинной мебелью и прочим ему тоже доводилось торговать, и я худо-бедно разбираюсь в таких вещах. Даже если предположить, что вы просто любитель старины… Хотя нет, не сходится!

– Это почему же? – нахмурился Грегори.

– Такие любители и собиратели старинных вещей берегут их и ухаживают за ними, – пояснила я. – Отдают картины на реставрацию, сдувают пылинки с мебели… А для вас, кажется, все это – самая обычная обстановка, как для меня какая-нибудь табуретка, которую на скорую руку сколотил столяр. А еще, когда я прибиралась в библиотеке, я обнаружила, что там совсем нет новых книг. Моя племянница читает запоем, сейчас этого добра предостаточно… А у вас сплошь старые-престарые фолианты, которые много лет никто не открывал, по книгам это сразу увидишь! И рукописных много, а такие теперь только в частных собраниях да в обителях найдешь.

– Да, ты права, – мрачно ответил он и замолчал. Потом, правда, встряхнул головой и взглянул на меня. – Слишком уж ты глазастая!

– Наблюдательная, – поправила я. – Вдобавок повторюсь, брат мой – купец, а я помогала ему вести дела, так что привыкла обращать внимание на мелочи, о которых обычный человек и не подумает.

– А не прислал ли он тебя, такую… наблюдательную, чтобы выведать, чем можно поживиться в Норвуде? – негромко спросил Грегори.

– Так поместье называется Норвуд? Буду знать, – усмехнулась я. Правда что, ни слуги, ни хозяин прежде не упоминали название этого места. – И нет, сударь, брат мой был так перепуган, что думал только о том, как бы унести ноги из вашего гостеприимного дома. Хотя, возможно, сейчас он уже задумался о том, что мог бы и прикарманить что-нибудь! Но, – добавила я, дав Эрни знак подлить себе вина, – если бы он успел спланировать подобное за те сутки, что вы отвели ему на сборы и прощание с семьей, то либо приехал бы сам, либо прислал младшую дочь.

– Это почему? – заинтересовался он.

– Потому что две старшие уже, считай, сговорены и рисковать выгодными партиями Манфред бы не пожелал. Сам он… Брат знает цену вещам. С другой стороны, жажда призрачной наживы против налаженного уже дела, которое я вряд ли бы сумела удержать в одиночку… – Я покачала головой. – Думаю, не будь меня, он отправил бы к вам Летти. Она милая девочка, голова у нее забита романтическими сказками… Думаю, вы перепугали бы ее насмерть, а потом осыпали бы драгоценными дарами. На приданое ей бы точно хватило! А уж как выбраться из Норвуда – вопрос второй… Кажется, я слышала упоминание о том, что кое-кто из ваших пленников сумел сбежать… либо ему позволили это сделать, ведь так?

– Да, именно так, – еще более мрачно ответил Грегори. – Признаюсь, от тебя мне уже хочется избавиться!

– Что же вам мешает? – удивилась я.

– Не время еще, – сказал он и встал, резко отодвинув стул. – Но я сделаю это при первой же возможности!

Он ушел, а я спокойно доела ужин, размышляя. Да, крайне интересно! Нужно было расспросить слуг, но как это сделать, если хозяин постоянно начеку? Как вот он ухитрился услышать, что Хаммонд пришел ко мне ночью? Может, у него не только внешность звериная, но еще и слух, и нюх?

Глава 5

Раздумывая над странностями поместья, я отправилась проведать Джонни. Конюхи не давали ему застаиваться, а вообще всячески баловали, и конь выглядел довольным и ухоженным. Меня он приветствовал ласковым фырканьем, взял с ладони половинку яблока и с удовольствием сжевал. Я потрепала его по длинной челке, погладила кошек – их на конюшне было не меньше пяти, и, видимо, крысы тут все-таки водились, иначе чем бы питались эти пушистые мурлыки? Разве только служанки подкармливали их, либо же кошки охотились в парке или даже в лесу…

Выйдя из конюшни, я с удовольствием вдохнула чистый морозный воздух и огляделась. Было еще светло, и я решила пройтись по аллеям и посмотреть, нет ли тут еще каких-нибудь строений. Вполне возможно, что имеется сторожка или какие-то службы… Ну и прогуляться после сытного обеда не мешало!

Парк был велик, а подальше от дома превращался в настоящий лес. Заблудиться я не боялась – снегу нападало много, я всегда могла вернуться по своим следам. Да и видно было, как в доме уютно светятся окна в гостиной, в некоторых комнатах и в кухне, конечно же, не промахнешься мимо двери!

Должно быть, летом и осенью тут было очень красиво: я сумела опознать розовые кусты (может, конечно, они давно одичали, а может, это и вовсе был шиповник, но цвести и благоухать ему это точно не мешало), жасмин и заросли сирени – ее легко было узнать по крупным почкам. Когда-то здесь имелись и живые изгороди – темная хвоя красиво выделялась на белом снегу, – но их давным-давно не подстригали, и деревья с кустарником росли как заблагорассудится. Можжевельник прихотливо стлался по земле, укрытый сугробами, а другой стоял горделивыми свечами, едва припорошенными снегом, как и более светлые туи. Нарядные голубые ели соседствовали с длинноиглыми соснами, а клены (их просто было опознать по сохранившимся на ветках

семенам-крылаткам) и серебристые тополя, должно быть, дивно смотрелись по осени, а рябина, с которой птицы еще не успели обобрать все ягоды, и сейчас была чудо как хороша! Словом, кто бы ни разбил этот парк, вкус у него имелся…

Были тут и яблони, и вишни, и, наверно, сливы, и я подумала, что по весне, в обрамлении темной хвои и нежной зелени, на этой аллее должно быть особенно красиво! А под ногами, наверно, будут цвести подснежники и пролески, ландыши и незабудки, под деревьями появится земляника… И как знать, может, еще сохранились клумбы с тюльпанами, нарциссами и лилиями?

Признаюсь, я поймала себя на мысли о том, что не отказалась бы посмотреть, как выглядит Норвуд весной и летом! Да и по осени тут наверняка хорошо…

Парк оказался огромным, и я уже подумывала повернуть назад, когда вышла на пересечение аллей. По пути мне попалось несколько беседок, искусно спрятанных в зарослях (летом их, должно быть, увивали розы и дикий виноград), статуи нимф и неизвестных древних героев, два фонтана, сейчас укрытых снегом и, если я верно разобрала, небольшой пруд. Привести бы все это в порядок! Ну, подумала я, если хозяин не выгонит меня еще до первой капели, я уж точно найду, чем себя занять.

Я уже двинулась обратно, как вдруг мне показалось, будто в отдалении мерцает огонек. Что там, еще какое-то строение?

Конечно же, я отправилась посмотреть – это было совсем близко…

Удивительное зрелище – цветущая посреди зимы роза! Вокруг нее, бедняжки, намело высокий сугроб, и выглядел куст, скажу честно, очень жалко – листья скукожились от стужи, и только единственный цветок пламенел, особенно яркий на белом фоне.

Я осторожно обошла это диво кругом, но дотронуться не рискнула. Я прекрасно помнила, как Манфред лопотал что-то о некоем цветке, за который гостеприимный хозяин чуть не лишил его головы. Может, речь шла именно об этой розе? Я бы тоже не обрадовалась, если бы случайный гость решил искалечить такую диковину! Точно, вон видно совсем свежий слом – должно быть, с той ветки Манфред и сорвал розу. Этот же цветок едва-едва распустился и выглядел совсем хилым. Других бутонов я не заметила.

Но Манфред явно солгал, сказав, что увидел этот куст по пути к воротам. Должно быть, шнырял по парку, выглядывая, что тут к чему, вот и наткнулся случайно, как и я.

– Что же вас всех так тянет сюда? – негромко произнес у меня за спиной Грегори, и я почувствовала его жаркое дыхание. Надо же, он подобрался совсем бесшумно! Я даже скрипа снега не услышала…

– Простите, сударь, я просто решила прогуляться по парку, – ответила я, обернувшись. – И вот, увидела нечто яркое и подошла взглянуть. Я, правда, решила, что это огонек, и полюбопытствовала, кто и зачем бродит тут с фонарем.

– Да, ты права, – неожиданно усмехнулся он. – Это огонек. И он вот-вот погаснет.

– Я не притрагивалась к вашей розе, – сказала я. – Только посмотрела поближе. У меня и в мыслях не было сорвать ее!

– Я знаю, – кивнул Грегори и осторожно коснулся алых лепестков. На фоне его лапы они показались совсем невесомыми, как крылышки фей. Он тяжело вздохнул и произнес: – Ты, должно быть, сгораешь от любопытства? Хочешь узнать, что это за цветок и отчего он вдруг распустился среди зимы?

– Не откажусь, – ответила я, а мысленно добавила: «И почему в доме нет хлеба, я тоже хочу знать!» Правда, это могло обождать.

– Тогда идем обратно, холодно. – Он протянул мне руку, и я взяла его под локоть. В самом деле к вечеру сильно подморозило, и от дыхания возле лица повисали облачка пара. – Может, дать тебе мой плащ? Я-то уж точно не замерзну…

– Не стоит, сударь, – улыбнулась я в ответ. Его снова будто подменили, и в чем причина таких перемен, я понять не могла. – До дома недалеко, а я тепло одета.

– Снова брезгуешь чужими обносками? – сощурился Грегори.

– Нет, мне в самом деле не холодно, – сказала я. – Если озябну – скажу. А вы, кажется, хотели о чем-то мне рассказать?

– Да… – Он помолчал, потом произнес: – Должно быть, от слуг ты уже узнала больше, чем могу поведать я…

– Мне все же хотелось бы услышать вашу версию.

– Ну, если вовсе уж коротко, то давным-давно я совершил поступок, за который расплачиваюсь до сих пор, и не один.

– Хаммонд успел сказать мне перед тем, как вы сломали дверь, что вы чем-то оскорбили фею и поплатились за это, – произнесла я, – но вы не дали ему договорить и объяснить, в чем именно состояла ее обида. И почему в вашем доме нет хлеба… это ведь как-то связано, я права?

Грегори молча кивнул. Пошел снег, и черная грива хозяина Норвуда понемногу становилась серебряной.

– Я был молод, – сказал он наконец, – красив, богат и, что уж греха таить, самовлюблен и глуп.

– Думаю, как почти любой юнец вашего положения и достатка.

– Пожалуй, я превзошел если не всех, то многих, – ответил Грегори в тон мне. – В мои времена считалось особенным шиком вести себя так, будто кругом не люди, а… не знаю даже, вещи, быть может? Что ты так косишься на меня?

– Удивляюсь, сударь, – сказала я, – тому, что вы вдруг заговорили так связно и даже обходительно… Вы ли это?

– А ты полагаешь, земля станет носить сразу нескольких таких уродов? – резко спросил он.

– Но вы не уродливы, – совершенно серьезно произнесла я. – На вас даже приятно смотреть, как на почти любого хищного зверя. В особенности теперь, когда шерсть на вас не висит грязными колтунами, а блестит, а рубашка не

напоминает половую тряпку.

– Ну надо же, какие слова! – оскалился он, и я не сразу поняла, что это улыбка. – Обычно девицы удирают с визгом или вовсе падают без чувств, едва завидев меня…

– Может, они лишались чувств от ваших ароматов? – кротко спросила я. От шерсти все еще немного попахивало, хотя теперь уже не неприятно. – Я не замечала, чтобы ваши служанки прятались от вас по углам.

– Они привыкли, – вздохнул Грегори. – И они еще помнят меня человеком.

– Вы все еще не сказали, что умудрились натворить, – напомнила я и крепче взялась за его локоть, чтобы не вязнуть в снегу. – Чем вы прогневили фею настолько, что она обратила вас в чудовище?

– Ха!.. – Он приостановился, взглянул в упор, потом перевел взгляд вниз, вздохнул и недолго думая взял меня за талию и без усилия пристроил у себя на сгибе локтя. Я невольно схватилась за его плечо, за густую гриву, и Грегори недовольно мотнул головой. – Не дергай меня за волосы, не выношу этого!

– Простите, сударь, это я от неожиданности, – повинилась я, но спрятала озябшие руки в густом меху. Хорошо ему зимой с такой шубой! А вот летом, надо думать, хозяин Норвуда страдает от жары. – Так все же, за что вас превратили в такое вот…

– Никто меня не превращал, – мрачно ответил Грегори. – Я сам всему виной. Фея… О, фея оказалась мудра! Сделай она меня монстром взмахом волшебной палочки или как уж там они колдуют, я бы мог преспокойно винить во всем ее злую волю, но она поступила куда проще.

– И как же?

– Начну издалека, – сказал он, помолчав немного и перехватив меня поудобнее. – В те времена фей было, может, столько же, сколько теперь, может, больше, ну или же они просто не скрывались. Одна такая не первый век была дружна с моей семьей. Уж не знаю, то ли она чем-то выручила моего предка, то ли он

оказал ей некую услугу, главное, она была вхожа в наш дом, и ей всегда были рады. Ни одно событие, будь то помолвка, свадьба, праздник в честь рождения ребенка или похороны, не обходилось без нее.

– Сдается мне, только вы не были рады видеть ее, – осторожно заметила я.

– Не только, – серьезно ответил Грегори. – Моя мать терпеть не могла эту фею, уж не знаю, за что именно. Может быть, за то, что на свадьбе та предрекла, что у нее будет единственный сын, и вышло по-сказанному: после меня рождались еще дети, но не выжил ни один.

– Хорошенький свадебный дар, – пробормотала я. – Но вы сказали – единственный сын, а как же дочери?

– Родители тоже решили, что к девочкам обещание феи не относится. Но увы, рождались только мальчики. Кто умер еще в утробе матери, кто не прожил и дня… Так или иначе, но последние роды подкосили ее здоровье настолько, что вскоре она скончалась. – Грегори вскинул голову и жестом указал куда-то в глубь парка. – Там наша семейная усыпальница. Я редко хожу туда.

– Сколько же вам было лет, когда умерла ваша матушка? – спросила я.

– Целых двенадцать, – ответил он и фыркнул. – Мне, новорожденному, фея пообещала столько красоты, силы и здоровья и удачи, что хватило бы на целую армию. Богатством тоже не обделила, ну да я и без того ни в чем не знал нужды. Правда, все это она даровала мне с одним условием… и ты почти угадала его, когда сказала, что я похож на хищного зверя.

– И каким же?

– Она сказала – это я знаю со слов отца, – что у меня будет грация и ловкость пантеры, сила и красота тигра, царственность льва, их чутье, их живучесть…

– Кажется, теперь я понимаю, почему вы не любите кошек, – пробормотала я.

– Именно. Ко всем этим дарам прилагалось еще кое-что. – Он помолчал, потом продолжил: – Их жестокость. Было сказано, что если я не сумею обуздать себя,

то рано или поздно стану зверем. Это произошло довольно-таки рано.

– Вы не показались мне жестоким, – серьезно сказала я. – Возможно, несколько необузданным и… хм… бесцеремонным, но не жестоким.

– Ты просто не знала меня в мои двадцать лет, – усмехнулся Грегори. – И благодари Создателя за то, что ты тогда не угодила мне в когти. Хотя… в те годы я прошел бы мимо тебя, и не заметив. К моим услугам были девушки куда красивее и знатнее…

– Спасибо, Создатель, – без тени иронии произнесла я. – И как же это случилось?

– Тебе в самом деле интересно? – глянул он на меня из-под густых бровей. – Если ты еще не замерзла, я расскажу. Не хочу говорить об этом в доме, там слишком много посторонних ушей.

– Думаю, слуги и сами знают вашу историю, – заметила я.

– Им известно далеко не все, – обронил Грегори. – Ну так?..

– Мне не холодно, – повторила я.

Когда еще удастся вызвать хозяина Норвуда на откровенность! И к слову, что это вдруг на него напало желание поговорить? Об этом я и спросила, а он ответил:

– Я думаю, ты сама поймешь. Уж поверь, причиной тому не внезапно возникшая симпатия!

– Вы по-прежнему мечтаете избавиться от меня?

– Уже меньше, – усмехнулся он. – Да и, поверь, можно сойти с ума от скуки, год за годом коротая в этом доме, только лишь со слугами, которые знают тебя наизусть, а ты – их. Тут хоть крестьянину неумытому будешь рад, хоть дерзкой девице, лишь бы было с кем словом перемолвиться, а то я уже забывать начал, как разговаривать по-человечески… – Грегори помолчал и добавил: – Тут уже очень давно никто не появлялся.

– Вот как, – сказала я, – ну что ж, тогда я вся внимание! Приятно слушать, как вы говорите не без любезности, а не рычите и не ругаетесь последними словами.

– Был год, когда я вообще не разговаривал, – сказал он, – даже со слугами. Нехороший год…

– Тот самый, в который вы сделались… чудовищем? – осторожно спросила я.

– Повторяю, я не сделался им, – покачал он большой головой. – Я всегда им был, только до поры до времени звериная сущность была сокрыта внутри. Но чем старше я становился, там сильнее она проявлялась… Тут фея не солгала… Думаю, ты представляешь, что такое единственный наследник?

– Пожалуй. Вы ведь сказали, что ни в чем не знали отказа.

– Именно так. О, меня обучили и манерам, и чужим языкам, и разным наукам, но это все не пошло мне впрок. – Грегори смотрел на падающий снег, запрокинув голову, и глаза у него мерцали кошачьим огнем. – Заниматься делами мне быстро прискучивало. Я любил охоту, балы и развлечения, а отец только посмеивался – мол, с возрастом я войду в ум. Но я не успел…

Я на всякий случай промолчала, не желая сбивать его с мысли.

– А еще я был жесток, – сказал он вдруг. – Мне ничего не стоило затравить соседских овец собаками, просто для забавы, чтобы посмотреть, как они мечутся, перепуганные насмерть. Заплатить за такое веселье я не отказывался, подумаешь, трата! Стрелять дичь ради забавы и бросать подранков – сущая чепуха!

– Кошки любят играть с добычей, – вставила я словечко.

– Именно. – Грегори скосил на меня глаза. – Еще я очень любил позабавиться с девицами, а моя свита была мне под стать. Я имею в виду, они тоже не отказывались принять участие в таком развлечении…

– Тогда я снова возблагодарю Создателя за то, что вы не можете проехать мимо моих племянниц и пошутить с ними таким вот образом, – сказала я.

– Да уж… – проворчал он. – В ранней юности к моим услугам была любая местная девица, но это быстро набило оскомину. Крестьянка что – желание господина для нее закон, так что она живо раздвинет ноги, лишь бы кнутом не угостили. Потом встанет, отряхнется да и пойдет себе… Ну, может, поплачет, или муж ее прибьет, если ребенок уродится чернявым… Некоторые трепыхались, правда, но так было даже забавнее, а если я был в хорошем настроении, то кое-кому перепадал полный кошелек. И я точно знаю: многие потом удачно вышли замуж с этаким приданым! Некоторые нарочно пытались попасться мне на пути, это сразу было видно.

– Сдается мне, недаром в округе столько черноволосых…

– Да, вполне возможно, в этих людях течет моя кровь, – кивнул Грегори и присел на край чаши мраморного фонтана. Дом был совсем близко, рукой подать, но ему явно не хотелось туда возвращаться. – А может, и не только моя. Отец мой в юности развлекался ровно так же, потому, думаю, и смотрел на мои забавы сквозь пальцы.

– А что же фея? – спросила я, поудобнее устроившись теперь уже на его колене.

– После смерти матушки отец сильно охладел к так называемой покровительнице, – помолчав, ответил он. – Конечно, она все равно являлась на празднества, да и без повода могла заглянуть, и обращались с ней подчеркнуто вежливо, я бы даже сказал, оскорбительно вежливо, отец это умел. Думаю, она прекрасно это осознавала, а потому появлялась все реже и реже.

– А вы…

– А я после смерти отца – он еще успел справить мое двадцатилетие – вовсе забыл страх и совесть. У меня был отличный управляющий – Хаммонд не всю жизнь служил дворецким, да будет тебе известно, – дела шли хорошо, и я считал, что на мой век всяко хватит, а там хоть трава не расти! Как ты понимаешь, – усмехнулся Грегори, – обременять себя семьей я вовсе не собирался, разве что на склоне лет. Фея пыталась образумить меня, но куда там!

– Вы же наверняка были завидным женихом, – сказала я. – Молоды, красивы, богаты, без толпы родственников, которые только и думают о своей доле пирога

в наследстве! Ведь так?

– Конечно, – кивнул он, – все это знали. И я знал и использовал напропалую… Крестьянки к тому времени мне окончательно опостылели, и я занялся знатными девицами. Иногда это было даже слишком легко: ну что проку во взятии крепости, если та сама распахивает перед тобой ворота? Та же крестьянка, только пахнет не сеном, а духами… Другое дело – неприступные красавицы, обычно богатые невесты на выданье, которые знали себе цену! Очаровать такую, влюбить в себя, добиться желаемого, да неоднократно, а потом забыть о ней – вот это было развлечение!

– Надеюсь, хотя бы свите своей вы этих девушек не отдавали? – мрачно спросила я.

– Ну что ты, – ухмыльнулся Грегори, – это дурной тон. Им хватало служанок. Что до прочего… случались скандалы, как же без этого, и чуть ли не каждая первая требовала, чтобы я женился на ней, и уверяла, что я обманом сорвал цветок ее добродетели. Как бы не так!

– У вас, очевидно, имелись какие-то козыри в рукаве?

– Разумеется. Например, любовные письма и подарки от этих девиц. Я никогда их не возвращал, хотя и обещал, и у меня скопилась целая коллекция. Свидетели, опять же мои доверенные люди, служанки девиц или вовсе случайные очевидцы… Правда, – добавил Грегори, – вскоре родители попросту начали прятать от меня дочерей, да и мне надоело это развлечение. Я года полтора провел в путешествии, а когда вернулся в Норвуд, встретил Лизбет…

Он помолчал, потом продолжил:

– Когда я убыл в столицу, а потом и в дальние края, она, должно быть, была еще подростком, так что я ее и не замечал. Вдобавок она была черноволосой, как ты, а я любил белокурых девиц. Но, видно, они мне прискучили… Лизбет знать не знала, кто я такой и чем опасен. Она была дочкой одного из арендаторов, самой младшей, и витала в облаках. Вечно вспоминала какие-то легенды, а на меня смотрела как на прекрасного принца…

– Почему «как»? – спросила я, невольно припомнив Летти. – Вы родовиты, были красивы, если не привираете, богаты, так отчего бедняжке было не посчитать вас принцем?

– Оттого, что я представлялся ей собственным слугой и рассказывал всяческие небылицы о зверствах хозяина. Меня в этих краях прозвали Черным чудовищем, в масть, и пугали мной девиц!

– Вы не совсем черный, а с рыжиной, – напомнила я.

– Поверь, когда я был человеком, рыжих волос у меня не было, – мрачно ответил он.

– Так что же Лизбет?

– Ничего. Завоевать ее оказалось проще простого, и я сразу потерял к ней интерес.

– Но это не конец истории, ведь так? – спросила я, когда он встал, по-прежнему держа меня на руках.

– Это конец истории Грегори из Норвуда и начало истории Норвудского чудовища, – поправил он, шагая сквозь сугробы. – То ли я был беспечен, то ли фея решила проучить меня, да только Лизбет понесла. Наверняка от меня: вряд ли она встречалась с кем-то еще…

– Ее отец потребовал жениться на Лизбет?

– Потребовал?! У меня?! – Грегори хрипло рассмеялся. – Конечно, нет. Он прекрасно знал, что я щедро заплачу за поруганную невинность, его успели просветить. Ребенка можно было отдать кому-нибудь на воспитание, а Лизбет отослать в обитель или даже выдать замуж куда-нибудь в другие места. Уж Хаммонд подыскал бы ей достойного мужа! Это здесь было обычным делом.

– А что же тогда случилось? – с большим интересом спросила я.

– Лизбет сбежала из дому и пришла к моим дверям, – неохотно ответил он. – Она умоляла не губить ее и ребенка, избавить от позора, словом, несла всю ту пафосную чушь, которой полным-полно в романах. И нет, сердце у меня не дрогнуло: Хаммонд как раз накануне договорился с отцом Лизбет о плате за эту неприятность, и я вовсе не собирался выслушивать бредни влюбленной девицы!

– Вам даже не было ее жаль? – спросила я, и он покачал головой. Меня вдруг осенило: – Постойте… так это о вас говорится в балладе? Вы – тот самый Грегори, не сжалившийся над несчастной девушкой?

– Откуда мне знать, тот ли, не тот? – резонно возразил он. – Мало ли у меня в роду было мужчин с таким именем! Я уж молчу о других семьях… Да и опозоренная девица, надо думать, не одна на свете. Не перебивай, будь добра! Осталось уже немного.

– Ну так продолжайте! Вы выгнали бедняжку на мороз, и она…

– Стояло лето, – мрачно сказал Грегори. – Замерзнуть до смерти Лизбет никак не могла. Правда, она причитала о том, что отец выгнал ее, и она теперь умрет с голоду, но, повторюсь, Хаммонд уже обо всем договорился, и остаться без крыши над головой ей не грозило. Однако она и слышать ни о чем не желала, и тогда я приказал ей убираться вон и не мешать мне ужинать. И швырнул ей в лицо ломоть хлеба, который был у меня в руке… Как нарочно, тот упал в грязь…

«Вот так угораздило!» – подумала я, припомнив все истории о таких случайностях.

– Лизбет разрыдалась, выкрикнула что-то вроде «чтоб вам всем подавиться этим вашим хлебом, нелюди!» да убежала прочь. Я не стал ее догонять, – закончил Грегори. – С тех пор я не могу взять в рот ни крошки хлеба – боюсь в самом деле подавиться насмерть. Пару раз едва отдышался, с тех пор не рискую. Жить-то хочется, даже в таком вот зверском облике…

– Понятно… – протянула я. – А слугам вы почему запретили есть хлеб?

– Я не запретил, – терпеливо сказал он. – Лизбет ведь сказала «вам всем», вот и они опасаются теперь.

– Но они ели хлеб, который я привезла с собой!

– А как они это делали, ты видела?

– Да… – припомнила я. – Крошечными кусочками, крошечками, как самое вкусное пирожное! Тоже боялись подавиться и задохнуться?

– Конечно. Но им это не так опасно, хотя поостеречься все равно стоит, – серьезно сказал Грегори и умолк.

– А что же Лизбет? – спросила я после паузы.

– Бросилась в реку, – мрачно ответил он. – Но не сообразила, что та обмелела по летнему времени, и глубины там курице по колено. Ударилась, конечно, о дно, но осталась жива, а вот ребенка потеряла. Ну да это и к лучшему… Замуж ее все же выдали, поди, уж правнуков нянчит, если еще жива!

– Сударь, я все-таки не поняла, как же вы приобрели этот облик, – сказала я.

– А это уже совсем просто, – произнес Грегори. – Когда стало известно, что Лизбет пыталась покончить с собой, ко мне явилась фея. И заявила, что мои прегрешения уже столь велики, что у нее нет больше сил терпеть мою злобу, жестокие забавы, надругательство над девицами и прочая, и прочая… Дескать, она рассчитывала, что я, зная о том, какой характер мне достался, постараюсь укротить его, как дрессировщики укрощают диких зверей, а не выпущу на волю!

– А не она ли наградила вас этаким нравом?

– То же спросил и я. А заодно и поинтересовался, не проще ли было ограничиться одним лишь даром, например, здоровьем? Или, раз уж просчиталась, попросту отвязаться от меня со своими назидательными беседами! На это фея заявила, что в самом деле ошиблась во мне, но зато благодаря подаренной мне удаче у меня есть еще один шанс…

– Дайте угадаю, – попросила я и соскользнула с его руки в снег, глядя снизу вверх. – Расколдовать вас может прекрасная девушка, которая полюбит вас вот в этом, как вы изволили выразиться, зверском облике, со всеми вашими

недостатками и…

– Не угадала, – перебил он и отвернулся. – Любить меня не нужно. Я обязан вымолить прощение.

– У кого, у Лизбет? – не поняла я.

– Я не знаю, – сказал Грегори, по-прежнему не глядя на меня. – Фея не сказала, а я не видел ее с тех пор. Она сказала лишь, что Лизбет просто прокляла меня и слуг, скорее всего даже не подумав, что делает, и как снять это проклятие, неизвестно. У него нет условия, и только счастливый случай поможет от него избавиться. А вот у ее заклятия условие есть… – Он помолчал и добавил: – Если я не выполню его, не вымолю прощения… повторяю, не знаю, за что именно и у кого, до тех пор, пока на розовом кусте не отцветет последняя роза, я умру. Твой брат сорвал предпоследний цветок.

«Не для тебя моя розочка цвела», – вспомнилось мне почему-то дурацкое присловье, а еще я вспомнила, что в самом деле не видела бутонов на том кусте. Только один едва распустившийся, чахлый цветок.

– Постойте, – осенило меня. – Так вы поэтому так грубо обходитесь и со слугами, и со своими пленницами? Вы надеетесь обидеть их и потом выпросить прощение? Но это…

– Глупо, правда? – фыркнул он. – И можешь не смотреть на меня так. Я рассказал тебе все это только потому, что ты – последняя, как и та роза. Их не берет ни мороз, ни град, ни жара, ни какие-нибудь гусеницы, только чужие руки… Та, которую сорвал твой брат, цвела уже десять лет, потому я и обозлился так сильно.

– Да уж, напугали вы его чуть не насмерть, – кивнула я. – Но… одна роза осталась, верно? Может быть, еще через какое-то время…

– Да нет же! – рявкнул Грегори. – Я сказал ведь – они гибнут только от чужих рук! Срывают их, понимаешь? Всех так и тянет именно в тот угол сада, к тому кусту… Я уж и приказывал посадить кругом такие же алые розы, и запрещал ходить туда, чего я только не делал, чуть ли не переселялся туда! И все равно рано или поздно кто-то добирался до цветка… Поверишь ли, раньше этот куст

цвел пышным цветом, но… То одна девица, то другая, то вовсе случайный гость вроде твоего братца – и не осталось почти ничего!

Он замолчал, потом крепко взял меня за плечи и повлек к дому.

– Когда-нибудь мы все умрем, – сказал он. – Я и так прожил многовато…

– Ну, быть может, вам все-таки удастся меня обидеть, – серьезно сказала я.

– Да неужто? У меня воображения не хватит на такое. Ты слишком здраво мыслишь, – фыркнул он. – Не ожидал такого, думал, обычных приемов будет достаточно…

– Я на вас за это зла не держу, сударь, – невольно улыбнулась я. – Было даже забавно. Скажите, а вы нарочно вывалялись в какой-то пакости?

– А как же, – пресерьезно ответил Грегори. – Еще и тухлятину какую-то сожрал, хоть и противно было. Обычно это действовало сразу же! А как ты догадалась, что это спектакль?

– Я лишь заподозрила, и то не сразу, а когда пригляделась к вам получше, – ответила я. – У вас очень ухоженная шерсть, чистая и блестящая, как у здорового сытого животного, уж извините за такое сравнение. И клыки тоже белее белого. А еще я подумала после первой же трапезы: вряд ли у вас настолько извращенные вкусы, чтобы при этакой кухарке питаться помоями! Да и запах быстро пропал…

Честно говоря, эта мозаика только что сложилась у меня в голове, но Грегори об этом знать было вовсе не обязательно.

– Только когти подкачали, – добавила я справедливости ради.

– Это я неудачно поохотился, – пояснил он. – Олень споткнулся, а я вцепился ему прямо в лопатку, вот и сломал один…

– Вот как! А грязь в доме? Неужто расстарались ради меня и натащили откуда-то пыли и паутины? Боюсь, это и феям не под силу!

– Нет, это уже взаправду, – нехотя ответил Грегори. – Дом давно начал приходить в запустение: сперва дальние комнаты, потом все остальные… При гостях обычно бывало чисто, но уже много лет тут никто не появлялся, так и зачем надраивать полы и мыть окна, если не для кого?

– А для себя? – негромко спросила я.

– А мне этого не нужно, – отозвался он. – Слугам в их крыле я разрешил делать что заблагорассудится, лишь бы не беспокоили меня, вот и все.

В комнатах прислуги я не бывала, только на кухне, но памятуя чистоту во владениях Роуз, я могла быть уверена, что и спальни прибраны как подобает.

– Ну тогда, с вашего позволения, я продолжу начатое, – сказала я. – В доме уже стало куда уютнее, разве нет?

– Пожалуй, – усмехнулся Грегори. – Впервые вижу настолько деловитую девицу! Обычно все хныкали, что им дует, холодно, кругом пыль да паутина, и тут уж за дело брались слуги… Но чтобы кто-то взялся распоряжаться сам – такого не упомню. Командовали разве «подай» да «принеси», не более того!

– Я привыкла следить за домом, сударь. Слуг у нас, конечно, не так много, но и хоромы куда как меньше. Да и у самой меня руки нужным концом пришиты, случись нужда, я управлюсь и без слуг.

– Да-да, я помню твои слова о жеребце, – фыркнул он. – А теперь все же идем в дом! У тебя уже нос покраснел!

– И как вы только разглядели? Темно ведь уже!

– А я вижу в темноте, как кошки, – ответил Грегори. – Идем, гостья… Надеюсь, ты скрасишь мои последние дни.

– Вы сказали, прежняя роза цвела десять лет, так отчего бы нынешней не прожить столько же?

– Каждая последующая отмеряла все меньше и меньше лет, – сказал он, – но, может, это и к лучшему… Ты не успеешь мне надоесть, к примеру!

– Если я вам надоем, вы всегда можете избавиться от меня, разве нет? – спросила я.

– Ты тоже можешь уйти в любой момент, – ответил Грегори. – Ворота, правда, уже починили, но тебя это вряд ли остановит. Ты здесь не пленница, Триша, а все мои слова о холодном сарае с крысами…

– Блеф, – вздохнула я. – Кажется, долгие годы одиночества все же научили вас какому-никакому терпению!

– Возможно. Но постарайся не слишком наглеть: чувство юмора у меня осталось прежним, а оно далеко не всем по нраву. Ну а доброты во мне не прибавилось ни на гран, – чуть сощурился он и протянул мне руку, помогая подняться по заснеженным ступеням на крыльцо. – Так что злить меня не стоит. Я могу и не сдержаться, хоть и сам после пожалею об этом.

– Неужто и чувство раскаяния вам не чуждо? – спросила я, припомнив слова прислуги.

– Совершенно чуждо, – серьезно ответил Грегори. – Все куда проще: один мой проступок – один лепесток. А когда лепестки закончатся…

Он развел руками.

– Чувствую, с ваших первых роз лепестки осыпались гроздьями, – пробормотала я.

– Именно. Вот предпоследняя потеряла только один – когда я обозлился на твоего брата и загнал его на сосну. Сам же и снимал потом, слезть ему не удалось… А казалось бы, птичкой взлетел!

– А последняя? – невольно улыбнувшись, спросила я, представив тучного Манфреда на сосновой ветке. Вот так птичка, право слово…

– Пока ни одного. Ты же сама сказала – это был спектакль, а такое не считается. В настоящей ярости ты меня не видела, и моли Создателя о том, чтобы этого никогда не случилось!

– Погодите секунду, – попросила я, видя, что он уже готов открыть дверь. – Еще два вопроса!

– Ну?

– Вы хотите сказать, что слуги даже не подозревают, что вы изображаете монстра перед гостями? Ну, кроме тех случаев, когда вы злитесь всерьез?

– Может, и подозревают, но за долгие годы привыкли к моим вспышкам, – ответил он. – Впрочем, я и сам не всегда могу понять, по-настоящему рассердился или так… по привычке.

– А почему они все невидимы? Тоже фея постаралась?

– Нет, это уже моя работа, – тяжело вздохнул Грегори. – В первое время я был особенно зол… Ты права, вокруг того куста будто алый снег прошел, все было завалено лепестками! Слуги – кто не разбежался – пытались меня утешить, но только сильнее злили. Вот я и крикнул, мол, век бы вас не видать! И стало по-моему.

– Век уже миновал? – серьезно спросила я.

– Еще нет. И, – усмехнулся он, – будь поосторожнее со словами. На этом доме понапутано столько волшебства, и волшебства недоброго, что никогда не угадаешь, чем это слово может отозваться!

– Как прикажете, сударь, – кивнула я и прошла в отворенную дверь, в тепло и свет большой прихожей.

Грегори скинул плащ на руки невидимому Эрни и привычно встряхнулся – только снежные брызги полетели. Эрни забрал и мой плащ, а Хаммонд недовольным тоном сообщил, что ужин стынет, пока господа изволят прогуливаться.

Хозяин потребовал не бурчать себе под нос, а подать горячего вина со специями, пока гостья не свалилась с простудой, и это было очень кстати! Не так уж я замерзла, но вот впечатлений оказалось многовато для одного вечера, и прекрасное вино помогло расслабиться.

– Сударь, но мне-то хлеб можно есть? – спросила я негромко, глядя в тарелку.

– Конечно. Хотя я стану завидовать, – тяжело вздохнул Грегори.

– Так вам нельзя именно хлеб или вообще все, что сделано из муки? – начала я допытываться. – Пироги? Пресные лепешки?

– Не знаю и проверять не хочу, мне двух раз хватило, – буркнул он в ответ. – Спроси слуг, наверняка они пробовали.

«Ничего, – подумала я, – лепешки можно испечь и из кукурузной муки, а можно – из земляного яблока. С этим я еще разберусь!»

– Сударь, а припасы у вас откуда берутся? Или кладовые в доме бездонны?

– Мечтай больше! Все покупается, конечно же, средств достаточно. – Грегори хотел было подлить себе еще вина, но передумал. – Это несложно. Кто-нибудь из мальчишек относит записку и задаток в деревню, а все заказанное оставляют в условленном месте. Обманывать, если ты об этом подумала, не рискуют. Тот торговец – из семьи, что еще с моим прадедом дело имела, а люди еще помнят нашу фамилию! Только, – добавил он, – предпочитают помалкивать. Я и так переплачиваю за товары вдвое…

– Не вдвое, а всего лишь в полтора раза, – тоном старого зануды произнес Хаммонд, предусмотрительно стоявший у двери. И правильно, Грегори вполне мог метнуть в него графин или блюдо, а с его силой этак и убить можно! – И то не за все, господин, цены-то меняются, вы помните? То сезон, то не сезон, то война где-нибудь, то налоги поднимут…

Грегори все-таки швырнул в него тарелкой, но не прицельно, явно лишь для острастки.

– Я думаю, Хаммонд, мы побеседуем о наценках и колебаниях на рынке без нашего хозяина, – сказала я хладнокровно. – Ему это неинтересно, а я все-таки сестра купца и о последних веяниях в торговле знаю, должно быть, побольше вашего.

– Само собой, госпожа, – обрадованно ответил он, собирая осколки. – Если господин не возражает, то я всегда к вашим услугам.

– Господин не возражает, – рыкнул тот, – только обсуждайте эту заумь подальше от меня!

– А вы говорили, что вас выучили разбираться в этом, – напомнила я, когда шаги Хаммонда стихли за дверью.

– Выучили, разумеется, – ответил Грегори, – и счет деньгам я знаю. Но во-первых, Триша, не забывай о моем образе, а во-вторых, должна же быть у старика радость в жизни? Я ведь сказал – он был у меня управляющим, и заниматься ему приходилось не одним этим поместьем! Как полагаешь, отчего за столько лет я не разорился?

– Думаю, средства ваши вложены в надежные предприятия, торговые дома… Может быть, даже и в братнин, – улыбнулась я. – Хотя вряд ли, у него размах не тот.

Тут я подумала, что через брата вполне можно покупать провизию дешевле, чем у прежнего торговца, и постановила обсудить это с Хаммондом. Вполне может быть, что переплачивал он сознательно: неболтливого поставщика еще поди поищи, а Манфред может и не удержать язык за зубами. Вряд ли хозяин Норвуда этому обрадуется! Но кроме брата, есть и другие торговцы, которых я хорошо знаю, и иногда, наверно, можно покупать и у них… Впрочем, вряд ли это интересовало Грегори, и я промолчала.

– Да-да, я живу на проценты, как заправский рантье, – фыркнул он в ответ на мои слова. – А кроме того, у меня есть еще земли, и за них идет недурная аренда. Конечно, арендаторы немного удивляются тому, что все дела я веду только по переписке, но готовы мириться с этим: я… то есть Хаммонд не задирает плату каждый год и идет навстречу, если хозяин не может заплатить в срок. Но конечно, только если причина достаточно уважительна. Скажем, умер

единственный взрослый мужчина в семье, а вдова с детьми не справляется с хозяйством, или случился неурожай, или пал скот… Чего только не бывает!

«Ну конечно, а теперь рассказывайте мне, сударь, как вам скучно разбираться во всякой цифири, да что вас не интересуют дела! Все-то вы знаете и во все вникаете, – подумала я, – но делаете вид, будто вам все равно. Видимо, ради Хаммонда, раз он любит свое дело! Но вряд ли он принимает решения, не посоветовавшись с вами, это уж точно…»

Должно быть, улыбалась я более чем выразительно, потому что Грегори нахмурился и сказал:

– И вот что, раз уж мы заговорили о торговле… Передай Хаммонду, что я велел заказать несколько отрезов тебе на платья. Выбери сама, что, как считаешь, будет тебе к лицу, только пусть это окажутся не унылые бурые тряпки!

– Это не унылые тряпки, а удобные, немаркие, практичные платья, – ответила я. – Но если вам, сударь, по душе яркие краски, я постараюсь подобрать что-нибудь, что станет одновременно и радовать ваш взгляд, и не оскорблять мое чувство вкуса.

После долгой паузы Грегори вымолвил:

– Имей в виду, летом здесь довольно жарко, так что закажи и что-нибудь полегче.

– Недавно вы сказали, что я вряд ли останусь здесь до весны, – напомнила я.

– Я уже не так уверен в этом, – сказал он, наклонив тяжелую косматую голову. – Просто делай, как я говорю.

«Это любимая присказка Манфреда», – могла бы я сказать, но предпочла промолчать, потому что умение вовремя прикусить язык – не последняя человеческая добродетель.

Глава 6

– Что вы с ним сотворили, госпожа? – шептала Моди, помогая мне переодеться на ночь. Я и сама справилась бы, но возражать не стала. В чужой дом со своими порядками не ходят, это я усвоила уже очень давно. – Даже не рыкнул ни разу за весь вечер, а что тарелками швырялся, это ерунда, он все равно мимо целится… Так-то господин может вилкой в вишню попасть через всю гостиную, похвалялся он однажды…

– Дурное дело нехитрое, – ответила я и принялась расчесывать волосы.

Они у меня длинные, ниже пояса, очень густые, черные, как у хозяина Норвуда. В юности казалось – ах, девичья краса, мне на гордость, всем на загляденье! А теперь только и думаешь – поскорее бы заплести, чтобы не мешали. Можно было бы и вовсе их обрезать покороче, да не принято как-то, и жалко… Или же я сама перед собой притворялась и надеялась, что кому-нибудь все же приглянутся мои смоляные кудри, лицо у меня самое обычное! Но, видно, женихи предпочитали белокурых прелестниц…

– Госпожа, я слыхала, хозяин велел вам заказать ткань на платья? – вовсе уж еле слышно прошелестела Моди. – Хаммонд сказал…

– Да, верно, – улыбнулась я.

– А можно нам тоже… а? Хозяин для вас не поскупится, а вы скажете, что не понравилась материя или цвет не тот…

– Что же, вам он откажет, если попросите?

– Конечно, госпожа, – вздохнула она. – «Я вас не вижу», вот и весь разговор! А мы-то друг друга очень даже видим, так, думаете, прихорошиться не хочется? Чулки уж штопаны-перештопаны, а обновки нам в последний раз с плеча очередной гостьи перепали… Но она маленького роста была, нам с девушками еще кое-как подошли ее платья, а Роуз хоть плачь, на нее материи втрое больше нужно!

– Скажите Хаммонду, сколько вам нужно, пускай закажет, – сказала я, подумав. – И нет, это не за счет вашего хозяина. Я сама оплачу. Не дело это, чтобы молодые девушки в обносках ходили! А мне тут деньги ни к чему, я на всем готовом живу.

– Госпожа! – ахнула она. – Да это… Создатель! Вы не подумайте, мы не пожадничаем, но правда бы переодеться, а то уж и белье обветшало… Мы уж придумали платья из гардеробной потихоньку взять и перешить, авось хозяин не хватился бы, будто он все упомнит! Но там сплошь парча златотканая да шелка, ну куда нам такое? Юбки нижние потаскали, это да, но нам бы что-нибудь вроде ваших платьев…

– Ну так не тяни, – улыбнулась я, – поди узнай мерки да… Ты писать умеешь?

– Плохо, госпожа, – повинилась Моди. – Но это записать смогу, это нетрудно.

– Вот и хорошо. Принесешь мне, а я посчитаю, сколько ткани нужно на платья моего фасона, белье и все прочее. Башмаки, думаю, вам тоже нужны?

– Ох… да уж обойдемся, – вздохнула она. – Мы все больше в доме, это парни наши по улице топчутся…

– М-да, – поджала я губы, – полагаю, их тоже не помешает приодеть. Вот что, поди скажи Хаммонду, чтобы поутру, пока хозяин будет спать, пришел ко мне. Сама пока с женщин мерки сними, для башмаков тоже, а Эрни передай, чтобы парней обмерил, он точно сумеет. Ну или сама, опять же… хотя вдвоем, думаю, вам веселее будет!

Моди хихикнула (видно, я угадала), а я спросила:

– Шить, надеюсь, вы умеете?

– Неужто нет, госпожа! – выпалила она. – Правда, по-старому, но если дадите ваше платье посмотреть, как оно скроено, так уж не ошибемся!

– Вот и хорошо, – кивнула я. – Иди-ка, сделай, что я велела, да ложись спать!

Она, еще раз десять поблагодарив меня, убежала – только ветерком повеяло, а я достала из сундука бумагу и чернила и села за подсчеты. Выходило, что моих средств (большая их часть была вложена под проценты, но с собой я тоже захватила порядочно) вполне хватит на то, чтобы прилично одеть служанок. С мужчинами было сложнее, но я решила, что об этом договорюсь с Хаммондом, да и легла спать…

* * *

Хаммонд, как и было велено, явился ни свет ни заря, деликатно обождал за дверью, пока Моди закончит помогать мне с утренним туалетом, а потом, когда она ушла, сказал:

– Госпожа, не следовало бы вам тратиться. Для этакого от хозяйских денег не убудет, будто мало господин их на ветер швыряет… Да вы уж видали гардеробную, поди…

– Да, – кивнула я. Я намеревалась навести там порядок, выбросить вовсе уж ветхие наряды или хоть пустить на тряпки, а те, которые еще можно было спасти, убрать в сундуки, чтобы не пылились на вешалках. – Но это его деньги, и он имеет право распоряжаться ими как угодно. А я хочу распорядиться своими по собственному усмотрению и сделать вам подарки. Мне хотелось бы видеть вас одетыми так, как полагается слугам в приличном доме, и если хозяину невдомек, что девушкам нужно хотя бы два платья и смена белья, тут ничего не поделаешь. Его упрямство вы знаете куда лучше, чем я!

– Это верно, госпожа, – тяжело вздохнул Хаммонд.

– Глядите, я подсчитала, сколько чего потребуется, – показала я ему листок с цифрами. Моди первым делом поутру вручила мне бумажку со своими каракулями, и я обнаружила, что ошиблась в своих расчетах в большую сторону, или, вернее, служанки не решились просить слишком много. – На это моих средств хватит с лихвой, но не наличных. Нужно только, чтобы вы отправили письмо в банк, в котором у меня вклад, вот и все. Я уже написала его, вот… И не спорьте, Хаммонд! – подняла я руку, видя, что он готов возразить. – Повторяю, я хочу сделать подарок вам всем к весенним праздникам, и я его сделаю, даже если мне придется самой поехать в город! Кстати, пусть посыльный возьмет коня, что ноги-то бить?

– Конь без всадника слишком привлекает внимание, – вздохнул он. – Хотя, конечно, так было бы куда быстрее…

– Прекрасно! – Я встала. – В таком случае я действительно сама съезжу за покупками! Пришлют наверняка не то, да еще подсунут материю не того качества… И выбирать вещи для девиц, Хаммонд, полагаю, все-таки лучше мне, а не лавочнику!

– А как же… – сглотнул он.

– Хозяин сказал, что я не пленница здесь, – ответила я, – и уж за покупками я съездить в состоянии. Только пусть со мной отправится кто-нибудь, Эрни или Пит – вдруг завязну в снегу? С ними спокойнее… Что вы стоите, Хаммонд? Прикажите подать мне завтрак и запрячь Джонни! Думаю, я обернусь к вечеру, а не успею, так заночую у брата или на постоялом дворе. Хозяину я оставлю записку…

– Он нас тут всех поубивает, – пробормотал Хаммонд, но сделал так, как было велено…

* * *

Со мной поехали Пит и Пол – их бы Грегори хватился не сразу, не то что Эрни. Веселые молодые парни всю дорогу наперебой рассказывали о том, что давненько не бывали в городе, и порядком утомили меня своей болтовней.

– Прогуляйтесь-ка! – велела я, отобрав у кого-то из них вожжи. – Да чтоб через два часа были на этом самом месте, ясно?

– Конечно, госпожа! – отозвались они и исчезли. Мы были уже на окраине, и Джонни, по-моему, учуял дом и зашагал веселее, хотя и так всю дорогу шел бодрой рысцой.

Заехать в банк и взять наличные было минутным делом. Не так давно я не появлялась, чтобы это стало заметно! По пути я еще поздоровалась с несколькими знакомыми, а потом уж добралась до лавки…

Материю на платья служанкам выбрать было легко: я взяла такие же ткани, из которых шила платья и белье себе и девочкам, да еще чулки, ленты и шнурки… Думаю, лавочник решил, что я решила обновить их гардероб к весне. Он чуточку удивился, когда я стала выбирать материю понаряднее, и даже сделал несколько не вполне приличных намеков на мой внезапно изменившийся вкус, но успокоился, когда я напомнила, что мои племянницы – девушки на выданье. Весной же обыкновенно дают балы и в ратуше, и у многих наших знакомых, так что нужно приодеть красавиц! Ну а прочее – это и для Манфреда, и слугам на новую одежду… Тут я понизила голос и сообщила, что к Анне посватался очень солидный господин, и Манфред не желает ударить в грязь лицом перед, вполне возможно, будущим зятем. Лавочник обрадовался новой сплетне, а я понадеялась, что брат простит меня за эту ложь!

Спасибо, обувщик вопросов не задавал, взял мерки и пообещал стачать заказанное в срок и доставить, куда велено (Хаммонд сказал, кто именно привозит товары в Норвуд, и я велела отправить готовую обувь к нему).

Я купила еще кое-какие мелочи (тех же ниток и иголок, крючков и пуговиц вечно не хватает!), не забыла прихватить дрожжей, а заодно такой и сякой муки, чтобы проверить, на какую именно распространяется проклятье – вдруг только на ржаную или на пшеничную?

Словом, управилась я точно к назначенному сроку, и повозка моя была забита чуть не доверху. Выходило, что Питу и Полу придется ехать на запятках, но это их ничуть не расстроило. Их я оделила большим кульком каленых орехов в меду, купленных у разносчика, да и сама перекусила теми же орехами да горячим еще бубликом, когда мы выехали из города, и отдохнувший Джонни резво побежал по лесной дороге.

Ворота Норвуда мы увидели уже в сумерках. Два окна светились среди деревьев, как горящие глаза озлобленного зверя, и, войдя в дом, я поняла, насколько была права…

– Где тебя носило?! – прорычал Грегори, схватив меня за ворот. Хорошо, я не успела еще скинуть теплый плащ, не то обзавелась бы новыми синяками, а мне и прежних было более чем достаточно.

– Я же оставила вам записку, сударь, – ответила я, отстраняясь и снимая перчатки. – Съездила за покупками в город, только и всего. Хаммонд, где вы? Скажите Роуз, чтобы послала девушек разобрать ткань и прочее!

– Да, госпожа, – раздался едва слышный шепот и поспешные шаги.

– Записка! – снова рыкнул Грегори и кинул в огонь бумажный шарик. – Просто предупредить меня показалось тебе слишком сложным?!

– Вы еще спали! Я нарочно уехала едва не затемно, чтобы вернуться к ужину, – ответила я. – Сударь, вы ведь сами сказали, что я здесь не в плену, вот я и решила сама съездить за покупками. Вы же велели мне купить ткань на платья, а как выбирать, не глядя?

Он молча швырнул что-то мне в лицо, развернулся – только черная грива взметнулась – и скрылся на лестнице.

Я посмотрела под ноги. Сперва мне показалось, что на ковре лежит шелковый лоскуток, но, подняв его, я поняла, что это лепесток. Последняя роза Грегори Норвуда начала осыпаться, и виной тому была я…

Хотя нет, почему же? Виной всему был его скверный нрав, а вовсе не то, что я воспользовалась им же данным разрешением!

– Хозяин страшно обозлился, – шепнула Роуз, а Моди забрала у меня плащ и перчатки. – Посуду переколотил, в Эрни стулом швырнул, чуть не зашиб… Рычал, мол, я перед ней душу вывернул, а она… Это что же такое он вам рассказал, госпожа?

– Думаю, он не обрадуется, если я поделюсь этим с вами, – вздохнула я. – Идите лучше, разберите покупки да принесите ужин мне в комнату. Я сомневаюсь, будто нас ждет тихий семейный вечер!

– Да уж, – вздохнула Моди и убежала. Следом неторопливо ушла Роуз.

Я же, немного поразмыслив, поднялась по лестнице и постучала в двери хозяйских покоев. Ответом мне было непристойное ругательство, а еще Грегори

швырнул в стену чем-то тяжелым.

– Вы ведете себя хуже моей младшей племянницы в раннем детстве! – громко сказала я в замочную скважину. – Когда ей не давали сладостей, куклу или книжку с картинками, она принималась кричать, плакать, топать ногами и бросалась игрушками в слуг. Вам ничего это не напоминает?

– Твоей племяннице не грозила смерть от того, что она не получила конфету! – раздалось в ответ.

– Так, может, и вам бы не грозила, если бы вы потерпели без сладкого до ужина? Удивляюсь, как с таким нравом вы дожили до сей поры!

Не дождавшись ответа, я добавила:

– Я не ваша собственность, сударь, и не обязана развлекать вас с утра до ночи. Сладких вам снов!

Он так ничего и не ответил, а я ушла к себе – проворная Моди уже натаскала воды в ванну, а пока я отдыхала с дороги в горячей воде, в восторге кружила возле меня. С покупками служанки уже разобрались и теперь не могли дождаться утра, чтобы сесть за шитье. Я обещала пока не гонять их с уборкой.

– Только зачем нам столько муки? – спросила она, подавая мне полотенце. – Хлеба все равно не испечь… Вернее, испечь-то можно, да толку? Вы уж знаете, да? Хозяин с утра обмолвился, что сказал вам об этом…

– Да, – кивнула я, – но, знаешь, из муки не только хлеб выходит. Посмотрим, вдруг придумаем что?

– Это бы хорошо, госпожа, – серьезно сказала Моди, – потому как мы тут который год в лесу сидим и не знаем, что там новенького! При старом господине, Роуз рассказывала, чуть не каждый месяц новое кушанье подавали. Не мы, конечно, придумывали, в столице знаменитые повара рецепты сочиняли или иностранных каких мастеров во дворец звали, а потом остальные перенимали, на свой лад переиначивали, как это всегда бывает…

– Думаю, я сумею вас научить чему-нибудь новенькому, – улыбнулась я, похвалив себя за то, что не поскупилась на заморские специи: с ними даже надоевшую до тошноты кашу можно приготовить так, что пальчики оближешь, а уж если приправить ими мясо…

– Вот этому мы всегда рады, – весело сказала Моди. – Ой, госпожа, мы поглядели – там такая материя красивая, зеленая которая, и винного цвета – тоже загляденье, уж как вам пойдет! Только давайте я вам прическу сделаю, я умею, правда! У вас волосы такие красивые, а вы их все в узел затягиваете… А так вот, с новым платьем-то, если их убрать под сетку, как на картинах, а по плечам локоны распустить, красота выйдет неописуемая!

– Когда платье будет готово, тогда и посмотрим, как мне лучше причесаться, – сказала я. – Иди-ка ты спать! Да и я лягу, устала все-таки.

– Еще бы, госпожа, ехать в такую даль по холоду! Пол с Питом, поди, уж налопались да дрыхнут без задних ног! А им что, парням-то, только повеселились! Эх, – вздохнула она, – вот бы мне хоть одним глазочком посмотреть, как теперь в городе живут…

– Если хозяин меня снова туда отпустит, возьму тебя с собой, – пообещала я, хотя сильно сомневалась, что Грегори позволит мне выйти за ворота.

– Спасибо, госпожа! – воскликнула Моди и добавила шепотом: – Вы не сердитесь на него. Он сперва буйствовал, мебель крушил, а потом ушел к своему розовому кусту и чуть не дотемна там просидел. Не ел весь день ничего, а уж аппетит у него обычно ого-го какой… А если хозяин так себя ведет, значит, плохо ему. Мы уж его знаем как облупленного!

– Да я и не думала сердиться, – ответила я. – Но с чего он вдруг так обозлился?

– Это он из-за вашего самоуправства, – авторитетно заявила она. – Ну, что не спросились, когда уезжали. С ним всегда так. Мы, бывает, делаем что-нибудь, что он не велел, и если узнает – только прячься! А потом остынет – и ничего, признается, что мы правы были… Главное, переждать!

– Непростая у вас служба, – вздохнула я.

– Оно так, госпожа, – согласилась Моди. – Да только, сами понимаете, сперва деваться было некуда, а теперь… Ну как хозяина бросишь? Один он вовсе пропадет!

– Вы его любите? – спросила я, хотя и так знала ответ.

– Любим, – серьезно ответила девушка. – Нрав у него гадкий, тут и спорить нечего. Хаммонд всегда говорит, что хозяину розог да вожжей в детстве недодали! А теперь уж поздно перевоспитывать… От заклятия только хуже стало! Фея придумала тоже… сгубила человека, смеется, поди…

– Хватит ворчать, ты не старая бабка, – сказала я. – Иди спать, кому сказано! И попридержи язычок – поговаривают, феи и мысли умеют читать, не то что подслушивать. Этак обидишь ее невзначай, накажет чем-нибудь похуже невидимости!

– Ваша правда, госпожа, – вздохнула Моди, пожелала мне спокойной ночи и ушла.

Я же улеглась, но уснула не сразу: то и дело я доставала из-под подушки книгу легенд, которую купила сегодня. Я думала подарить ее Летти – у нее день рождения весной, и она обрадовалась бы такой книге, да еще с цветными миниатюрами! Но теперь я решила, что племяннице подарю что-нибудь другое, а эти легенды прочту сама: вдруг узнаю что-нибудь про обычаи фей? Летти наверняка читала о подобном прежде, да я пропускала это мимо ушей… Придется наверстывать!

Вместо закладки я положила между страниц измятый розовый лепесток, и он пах тонко и тревожно.

Ночью мне почудилось, будто дверь отворилась и кто-то долго стоял на пороге, глядя на меня, но, должно быть, это мне просто приснилось…

Глава 7

Наутро Грегори не соизволил спуститься к завтраку, но на это я лишь пожала плечами и вместе со служанками засела за кройку и шитье.

– Ох уж эти феи, – ворчала Роуз, ловко раскраивая материю, – чем все эти штучки-дрючки с проклятиями-заклятиями, лучше бы волшебные иголки придумали!

– Так у них есть, поди, – отозвалась Кора. У нее работа в руках кипела, у меня бы сроду не вышло с такой скоростью обметывать швы и петли. Стежки у нее выходили просто ювелирными, залюбуешься! – Неужто они сами себе наряды шьют? Помните серебряное платье? За такое надо десяток вышивальщиц усаживать, и работы там на полгода…

– Прямо уж десяток, – фыркнула Лили и перекусила нитку. – Небось палочкой взмахнет – тут ей и наряды, и карета, и скакуны волшебные!

– Не надо сплетничать о феях, – сказала вдруг Моди, видно, припомнив мое ночное предостережение. – Вдруг услышат?

Даже если кто-то и подумал, мол, и пускай себе слышат, какого тут о них мнения, то вслух ничего не сказал.

– Ну, тут вы и без меня справитесь, – произнесла я и встала, стряхнув с юбки нитки и обрезки ткани. – Роуз, а не попробовать ли нам приготовить что-нибудь этакое? Может, задобрим хозяина?

– Если ему не по нраву придется, так сами съедим, – фыркнула она. – Идемте, госпожа! Расскажете, что теперь стряпают, а то мы все по старинке…

Время шло быстро: пока я прикидывала, что можно соорудить из нашедшегося в кладовой, пока сама слазила в погреба посмотреть на всякие варенья-соленья, окорока, овощи и прочее, уже и настала пора обедать. Но хозяин и на этот раз не спустился, даже не приказал Эрни принести ему чего-нибудь. Я хотела сама пойти спросить, в чем дело, но Роуз отсоветовала.

– Это он нарочно, – сказала она, перетирая посуду. – Видно, не вся злость вчера вышла, так что ночью, как вовсе проголодается, на охоту пойдет.

– Опять его отмывать придется! – в сердцах воскликнула я, представив роскошную гриву Грегори, заляпанную спекшейся кровью.

– Сам отмоется, – проворчала Роуз и повесила полотенце сушиться. – Хозяин вообще-то чистоплотный, это он для вас представление устроил. Скучно ему, сами понимаете…

– Понимаю, – вздохнула я.

– И ночью лучше из комнаты не выходите, – предостерегла она. – Не ровен час, напугаетесь. Мы-то уж знаем, что к чему, а увидь его человек сторонний после охоты, точно обомлеет! Эрни уж на что привычный, дожидается хозяина с охоты, чтоб кровищу с него смыть, и то всякий раз вздрагивает, как об этом рассказывает!

Я молча кивнула, решив, что некоторые правила этого дома действительно нарушать не стоит. Думаю, я ничего не лишусь, если не увижу окровавленного Грегори посреди ночи, разве только сна и покоя!

Так и вышло, что я снова ужинала со слугами и, надо сказать, оладьи и творожники удались, подлива к мясу (в кладовой нашлись сушеные грибы) – тоже, и хоть во всем этом муки было предостаточно, никто умирать не спешил… Может быть, подумала я, потому, что рецепт знали только мы с Роуз, да Моди наверняка догадывалась? Но ведь и им это ничуть не повредило! Стало быть, дело не в муке, решила я, а именно в хлебе, том самом. Или же значение имело слово «вашим»? Даже если хлеб или муку покупали, то на деньги хозяина, следовательно, они принадлежали ему, а я все взяла на свои средства… Права Роуз – ох уж это волшебство! Ну да что ж, нужно будет попробовать накормить так же хозяина и посмотреть, что получится…

С этим, правда, пришлось обождать еще два дня: после удачной охоты – Грегори задрал двух оленей, и одного, по-моему, употребил почти целиком, а второго приволок домой, – он долго отсыпался. Ну и славно: девушки могли спокойно шить, а я то бралась помогать им, то читала книгу легенд, надеясь найти что-нибудь похожее на историю Норвуда, но пока не попадалось ничего подобного.

«Да уж, экий необыкновенный выискался!» – в сердцах подумала я, в очередной раз захлопнула книгу и отправила ее под подушку. Снова и снова в сказках

герои и героини обнаруживали в заколдованных людях пылкие сердца, светлые души и прочее… Я же, как ни старалась, ничего подобного в Грегори Норвуде увидеть не могла. Вернее, сердце у него оказалось даже слишком горячим, и он бывал по-своему добр к слугам. Однако настроение его менялось с поразительной быстротой, и, кажется, даже давно знавшие хозяина Хаммонд и Роуз не могли предсказать, что вызовет очередную вспышку гнева, а на что Грегори закроет глаза. Уж не знаю, какой невероятной добротой, чистотой и всепрощением должна была обладать та, что сумела бы снять с него проклятие! Боюсь, такие и водятся только в сказках…

Вот и назавтра поутру он первым делом взбесился из-за того, что я все еще не в обновках, а служанки маются дурью. Я в ответ заявила, что если кто и мается дурью, так это сам Грегори, что ему не угодишь, что я в обносках и дырявых чулках не хожу в отличие от его, господских слуг, что ему должно было бы стать стыдно за то, в каком черном теле он их держит, тогда как они всецело ему преданы, и что если ему не нравится, как я распоряжаюсь в доме, хотя он сам мне это позволил, то я могу откланяться в любую секунду!

В начале моей тирады Грегори покосился на большое блюдо, ближе к середине – взвесил его на ладони, явно примериваясь, как бы ловчее швырнуть им в меня, и остановил его, кажется, только аппетитный запах, исходящий от подливки.

– Я уже говорил, что ты слишком много болтаешь, – буркнул он, вернув блюдо на место. – Что это?

– Вам не понравится, сударь, – ответила я и потянулась, чтобы придвинуть посудину к себе, – простое блюдо, его обычные горожане готовят, когда могут позволить себе мясо. Я к нему привыкла и…

Проще было бы отобрать у цепного пса мясную кость, чем действительно простецкие «завертки» у хозяина Норвуда. Я понадеялась на то, что его введет в заблуждение цвет теста, красноватый из-за кое-каких добавок и специй, и ароматная густая подлива, а если он распознает обман, то не разобьет блюдо о мою голову. Впрочем, о чем это я! Блюдо было серебряным, так что на нем разве что образовалась бы вмятина, а вот мне повезло бы меньше…

Однако беду пронесло стороной, да не одну: я внимательно следила за Грегори – вдруг догадка моя окажется неверной, и тогда… Но нет! Такому аппетиту бы

дикий зверь позавидовал, а ведь, казалось бы, недавно он умял целого оленя! Да и умирать он ну никак не собирался.

– Неплохо нынче едят горожане, – хмыкнул он, покончив с трапезой.

– Я ведь сказала – только когда могут добыть мясо. Не у всех охотничьи угодья под боком, не всем позволено стрелять дичь, – напомнила я. – Но завертки можно готовить и с рыбой, и даже с вишней, а можно еще заворачивать начинку в капустный или виноградный лист, тоже получается очень вкусно.

– А это что было? – подозрительно спросил Грегори, налив себе чаю (этим я тоже озаботилась, когда ездила в лавку, здесь таких новшеств не знали, но решили, что иноземная трава не так уж дурна, если сдобрить ее земляничным листом, зверобоем, сушеной малиной, медом – словом, кому что по вкусу!).

– Оленина, сударь, вы же сами давеча принесли столько мяса, что служанки его разделывать умаялись, – пожала я плечами.

– Нет, я не про начинку, – прищурился Грегори. – По-моему, это не походило на капустный лист!

– Сударь, из той муки, что пошла на тесто для этих заверток, можно было бы большую ковригу выпечь, – ответила я, и вот тут-то он и поперхнулся…

– Ты убить меня решила?! – выдавил он, откашлявшись, а я протянула ему салфетку.

– Но вы же не умерли, – хладнокровно ответила я. – И подавились вы чаем, а не чем-то еще. Пейте осторожнее, он горячий.

– Как тебе это в голову пришло? – спросил наконец Грегори. Вид у него был мрачный, но, судя по выражению физиономии и подергивающемуся кончику носа, он не отказался бы повторить трапезу.

– Вы опять станете рычать на меня, – ответила я, и он предсказуемо грохнул кулаком по столу, так что посуда жалобно задребезжала.

– А ну, говори!

– Я же сказала, – вздохнула я. – Ну хорошо, так и быть, расскажу…

Выслушав то, до чего я додумалась, Грегори надолго замолчал, чертя на столешнице замысловатые узоры острым когтем. Я хотела было попросить его не портить мебель, но промолчала. В конце концов, это его мебель, пускай хоть в камине ее сожжет, какое мое дело? Правда, тогда ему придется есть с пола либо заказывать новый стол.

– Может быть, ты и права, – произнес он уже нормальным тоном. – Вот за что я ненавижу волшебство: в любом заклятии непременно найдется лазейка, и это действует в обе стороны! И никогда не знаешь, в которую именно качнется маятник в этот раз…

После паузы Грегори вдруг задумчиво добавил:

– Значит, говоришь, слуги ели не только эти твои… как их? А, не важно!

– Да, а еще оладьи и даже пироги, – ответила я. – И хлеб, который был у меня с собой.

– Чужой… – кивнул он. – Я понял. Купленный на твои деньги или деньги твоего брата, не важно.

– Сударь, я уже думала об этом, – вставила я. – Вы могли бы давать сколько-нибудь денег мне, а я бы покупала…

– Не сработает, Триша, – перебил Грегори. – Это будет мой подарок. Даже если я подарю тебе какую-нибудь побрякушку, а ты продашь ее, думаю, это все равно будет не то. Не проси объяснить, я сам не могу толком облечь эту мысль в слова! Боюсь, это еще одна лазейка в проклятии Лизбет, только она может сработать в обратную сторону… Нет, это должны быть именно твои деньги. Заработанные или полученные иначе, но не напрямую от меня… Придумал! Эй, Хаммонд!

– Чего изволите, господин? – Тут же явился дворецкий.

– Помнится, за время службы у моего отца ты скопил достаточно, чтобы купить небольшую усадьбу, – протянул Грегори, поигрывая когтями.

– Точно так, господин, – кивнул тот, – думал, на склоне лет поживу мирно, в тишине и покое.

– Да-да, я помню, там кладбище рядом, – фыркнул Грегори, – места тише и не сыскать. И что теперь с этой усадьбой?

– Так ведь сдана в аренду, – ответил Хаммонд, – деньги небольшие, но не стоять же дому пустым, да за землей уход нужен.

– Прекрасно! – Тот поднялся во весь рост. – Ты ее продашь!

– Кому, господин?! – поразился дворецкий. – Дорого за нее не возьмешь, а так хоть что-то на старость скоплю…

– Глупец! – рявкнул Грегори, снова теряя терпение. Создатель, жить с ним рядом – все равно что выстроить дом на склоне заснувшего вулкана, никогда не знаешь, когда тот начнет извергаться. Даже старожилы, случается, ошибаются, я слыхала такие рассказы. – Ты что, надеешься выйти из Норвуда и отправиться доживать век в эту свою дыру, к кладбищу поближе?! Если бы ты так думал, то перебрался бы туда еще в те годы, когда не бродил привидением!

– А на кого бы я вас бросил, господин? – сердито ответил Хаммонд. – И делами вы что, сами бы стали заниматься? Вам надоело бы через месяц, а за арендаторами и стряпчими глаз да глаз нужен!

– Тем более, – внезапно успокоившись, сказал тот, – значит, прямо сию минуту усадьба тебе не понадобится. И ты что, старый пень, думаешь, я выброшу тебя на улицу, даже если ты сделаешься вовсе немощен?

– Я рассчитываю на ваше милосердие, господин, – с заметной иронией в голосе произнес Хаммонд, – но предпочитаю все-таки не зависеть от капризов судьбы.

– Скажи уж прямо – от моей прихоти, – негромко прорычал Грегори и положил ладонь на стол. – Я сказал, ты продашь свою усадьбу ей!

– Госпоже Трише? – изумился дворецкий. – Но… зачем?

– Затем, что я приказываю! – чувствовалось, что еще немного, и хозяин взорвется, поэтому я поспешила сказать:

– Сударь, что за блажь вам взбрела в голову? У меня все равно не хватит средств даже на крестьянскую хижину!

– Значит, Хаммонд скинет цену, – с нажимом произнес Грегори, – а я прибавлю ему жалованье, внакладе он не останется, уж об этом не беспокойся. А ты будешь получать арендную плату с того клочка земли…

– Но зачем… – И тут до меня дошло. – Сударь, но к чему такие сложности?

– Я, кажется, понимаю, госпожа, – вмешался Хаммонд. – Я, уж простите, слышал вашу беседу, да и с нами вы это обсуждали. Должно быть, дело в том, что деньги, на которые можно купить тот хлеб, который нас не убьет, не должны быть связаны с теми, кто угодил под проклятие несчастной Лизбет…

Грегори негромко зарычал и провез когтями по столешнице, оставив заметные царапины.

– Прекратите портить мебель! – все-таки не выдержала я, хлопнув его по руке и прижав ее к столешнице. – Продолжай, Хаммонд, прошу. Я, повторюсь, не понимаю, к чему такие сложности с этой вашей усадьбой… Ведь платят вам люди, которые, должно быть, и не слышали о Лизбет, так почему…

– Платят-то они мне, госпожа, а я, сами видите… то есть не видите… – тихонько рассмеялся Хаммонд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kira-izmaylova/chudovischa-iz-norvuda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить